

МОЛОДОСТЬ

Мариодора

" М О Л О Д О С Т Ь "

№ 2.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЛИТКРУЖА ПЕДИНСТИТУТА.

Редакция:

Чеславский, Ерзаков, Перель, Старцев,
Манусович /отв. редактор/.

№ 6712
ПЕДИНСТИТУТ
ПЕДАГОГИКА

Томск,

М а и,

1 9 3 8 год.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

О ЗАДАЧАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРУЖА стр.1

ОТДЕЛ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ:

ЕЛЬЦОВ "О Маяковском" 4.
ПОСКИН "Причины двойственности мировоззрения Э. По" 9.
МОРОЧНЫХ Вит. "Франсуа Вийон" 13

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ :

ДУШЕНКО "Старые знакомые" 21
АКСЕНОВ "Не дать врагам пощады" 26
ВИКТОРОВ Ив. "Так было" 27
ПОСКИН "Баллада о шофере" 41
ХИТЭВ "Яблоня цветет" 44
МОРЯКОВ "Родной простор" 49
МОРОЧНЫХ Вит. "Эстафета" 51
ИОЖИЦА "В е с н о й" 55
С МАНУСОВИЧ "Снегопад" 57
ЕРЗАКОВ "Непосланное послание" 60
КОДУХОВ Виталий "Поля" 61

ОТДЕЛ КРИТИКИ

ЕРЗАКОВ "О стихах Морякова" 65
ИОЖИЦА "Свадьба" произв.Иванова⁴ 68

ОТДЕЛ САТИРЫ

71

О задачах литературного кружка.

Необъятна и непобедима наша вечно юная Родина - отечество трудящихся всего мира, которое они обрели в Октябре Семнадцатого года. В Советском Союзе соединились две могучие силы - народ и коммунизм. Наш век, век Ленина - Сталина, - век смелой мечты, претворяемой в жизнь, век смелых дерзаний. Наша наука - передовая наука, наше искусство - "это бомба и знамя" /Маяковский/. И наука и искусство в Советском союзе увлекают вперед, потому что они служат народу. И сам народ, родив Ленина, родив Сталина, рождает новаторов науки - Стахановых и Папаниных, и сам народ рождает Горького, Николая Островского, и он, народ, увлекает за собою все остальное. "Какое счастье жить, учиться, работать в стране, которая дает такие возможности для науки, для инициативы, для творчества, для смелого и благородного дерзания!" /"Правда" за 19 мая/.

И эти широко раскинутые возможности не только будут, призывая к работе, но они и налагают требования. Только что прошедшее совещание работников высшей школы четко поставило задачи советской науки: советская наука служит народу. В свете этих задач советские ВУЗы и ВТУЗы усиливают свою научно-исследовательскую работу. Исследовательская работа студентов, работа студенческих кружков, без сомнения, интересует наши институты.

Мы, студенты Пединститута, должны работать и учиться так, чтобы подготовить из себя высокообразованных, идейных и культурных педагогов советской школы. Ясно, что кружки могут и должны сыграть в этом большую роль, как они сыграют ее и в исследовательской работе.

22 апреля на кафедре литературы нашего Института был поставлен вопрос о перестройке работы литературного кружка. И литературный кружок преобразован в кружок при кафедре. СПЕЦИФИКА ТАКОЮ КРУЖКА - СОЧЕТАНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ С ТВОРЧЕСКОЙ

Каждый литкружковец может работать над отдельным, интересующим его вопросом теории литературы, над отдельным писателем. На занятиях литературного кружка заслушиваются рефераты и практические работы. В процессе работы члены кружка получают консультацию кафедры. Таким образом в литературно-исследовательскую работу могут включаться студенты не только литературного факультета, но и студенты других факультетов. Для широкого обсуждения мы в нашем журнале и открываем отдел практических работ. В теоретическую работу кружка мы будем, несомненно, продолжать включать диспуты о вновь вышедших книгах, которые дадут навык глубокого и правильного понимания книг. В нашу программу мы включаем изучение вопросов истории искусств. История искусств так тесно сплетается с историей литературы, что, не зная ее, трудно понять и прочувствовать путь развития литературы. Начнем мы с вопросов истории живописи и скульптуры.

И параллельно мы продолжаем свою творческую работу, борьбу

за идейность и культуру наших произведений, борьбу за строгую и здоровую, глубокую критику наших молодых творческих сил. Волнующая и интересующая нас тема студенческой жизни требует огромной внимательности, прозорливости, высоты политической и литературной грамотности кружковцев.

Литературный кружок не должен замыкаться в самом себе. Мы охотно будем продолжать кропотливую работу подбора материалов для выставок и в нашей библиотеке и в библиотеке ТГУ, одновременно изучая и знакомясь с богатством их книгохранилищ. Мы берем на себя обязанность держать тесную связь с литкружками некоторых школ, руководить ими и помогать им, по мере возможности обслуживать наши подшефные предприятия и колхозы, неся туда наши и творческие и теоретические работы. Мы будем продолжать выносить наши доклады и диспуты и в наш клуб и в наше общежитие.

Требую внимание и помощи со стороны кафедры и института, мы чувствуем и сознаем обязанность за летний период готовиться к такой работе.

Работу литературного кружка - на принципиальную высоту!

Таковы задачи, они трудны. Но мы соберем все силы, чтобы их преодолеть.

=====

ОТДЕЛ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ

ЖУРНАЛ "МОЛОДОСТЬ" ВПЕРВЫЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ ОТКРЫВАЕТ ОТДЕЛ ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТ.

НА ЛИТЕРАТУРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ И ПО КУРСУ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПО КУРСУ РУССКОЙ СТУДЕНТАМИ ПИШУТСЯ РАБОТЫ, ДЕЛАЮТСЯ ДОКЛАДЫ.

ОТДЕЛ ИМЕЕТ ЦЕЛЮ ПУБЛИКАЦИЮ ЛУЧШИХ ИЗ НИХ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ОБСУЖДЕНИЯ ИХ ПРАВИЛЬНОСТИ, ХАРАКТЕРА И ШИРОТЫ ОХВАТА ИМЕЮЩЕГОСЯ МАТЕРИАЛА.

ИНТЕРЕС К САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ СТУДЕНТОВ РАЗВИТ ВНУТРИ ГРУПП, ВЫЗЫВАЕТ ГОРЯЧИЕ ПРЕНИЯ И УЧАСТИЕ В ПОДГОТОВКЕ ИХ, НО В ФАКУЛЬТЕТСКОМ МАСШТАБЕ МЫ ЭТИМ ЕЩЕ МАЛО ЖИВЕМ, МАЛО ЗАНЯТЫ.

НИЖЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ РАБОТЫ ДОСЕКИНА И МОРОЧНЫХ. ЖДЕМ ВОПРОСОВ И ОБСУЖДЕНИИ ИХ ЧЕРЕЗ СТРАНИЦУ НАШЕГО ЖУРНАЛА И СТЕННЫЕ ГАЗЕТЫ.

Е Д Ь Ц О В Ю ,
студент 2 курса Литфака.

О МАЯКОВСКОМ.

Ненавижу
всяческую мертвечину!
Обожаю
всяческую жизнь!
/В.Маяковский. "Юбилейное"/.

Когда телеграф принес сообщение о кошмарных злодеяниях участников "право-троцкистского блока", то весь 170 миллионный многонациональный советский народ в ужасе содрогнулся.

Фашистский бандит Бухарин при помощи сообщников по приказу своих хозяев умертвил гениального художника слова Максима Горького. Это преступление завершает цепь подлых злодеяний, предательств и лжи фашистских диверсантов в области социалистического искусства. Заклятые враги советской литературы Бухарин, Авербах и др. грубо травили и, наконец, погубили Горького, замалчивали Николая Островского, шельмовали Шолохова и Алексея Толстого, старались всячески опорочить В.Маяковского. Зато, эти враги народа были очень щедры на похвалы по адресу своих литературных фальшивомонетчиков, старавшихся примазаться к кругу советских писателей.

Вскоре после смерти Владимира Маяковского, контр-революционер Троцкий в заграничной буржуазной прессе старался доказать, что якобы "Маяковский не мог сделаться основоположником пролетарской литературы по тем же причинам, по каким невозможно построение социализма в одной стране".

Троцкисты подняли в заграничной прессе вой о "трагедии" советского писателя, о невозможности мировоззренческой перестройки и т.д. и т.п.

- Но все творчество Маяковского представляет один из лучших примеров того, как писатель, вышедший из мелкобуржуазной среды, пройдя вместе с пролетариатом через труднейшие этапы военного коммунизма и восстановления народного хозяйства, пришел к осознанию социализма, как единственно верного пути освобождения трудящихся.

Маяковский становится народным поэтом, т.к. живет с ним одной мыслью, одной страстью. Он целиком отдает народу свое замечательное искусство.

Маяковский пишет от имени миллионов для миллионов.

Каждая строка его стихов пронизана радостью творца, создающего новую и яркую жизнь.

Его стихи насыщены огромной долей большевистского жизнеутверждающего оптимизма.

Радость прет.

Не для вас

уделить ли вам?!

Жизнь прекрасна

и удивительна.

Лет до ста
расти
Нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
Землю молодости.

- А предатели социализма называли стихи Маяковского "изжившими себя агитками".

- Изменник родины Бухарин на первом съезде советских писателей объявил Маяковского мертвым, устаревшим. Наиболее прямо с наглым цинизмом он проговорился в заключительном слове. "Я говорил, что сама агитация теперь должна быть другой, что понятие актуальности изменилось, что простой пересказ в стихах передовиц и дробных оперативных лозунгов никого не удовлетворяет".

- Это все ложь, все клевета на Владимира Маяковского.

Бухарин даже не ввел Маяковского в разряд современников, заявляя, что мол "жизнь движется вперед", а он-де Маяковский от нее отстал.

- Но сама жизнь показала обратное. Жизнь клочущая, многообразная показала, что сегодня живой Маяковский - гражданин Советской страны - своими стихами, как железным молотом, бьет по врагам народа, по изменникам социализма троцкистско-бухаринским последышам.

Например, стихотворение "Столп". Написано оно в 1926 году, но стихотворение дышит сегодняшним днем. Каждая строка дышит огромной ненавистью к врагам нашей родины.

А последняя строфа, ведь это призыв ко всему советскому народу:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятысь,
Критика
дрянь
косила, -
И это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Сегодня мы особенно помним Горьковские слова о ненависти к врагу и о любви к партии. Мы никогда не забудем слов Владимира Маяковского:

Товарищи,
помните:
между нами
орудует
классовый враг.

Еще яркий пример актуальности стихов Маяковского. Во время дискуссии о профсоюзах, Маяковский внимательно за ней следил, глубоко сочувствовал Ленинской позиции. Он предложил в "Мистерию Буфф" вставить специальное место о дискуссии и зло высмеять и разоблачить троцкистов и бухаринцев.

Что толку в профдискуссии, милый Пров,
Бухарин-то с буферами,
А паровоз-то и без колес, а не то, что без буферов.

х х
х

Вскоре после смерти Маяковского было много разговоров, почему он не оформил себя, как член партии, не выдвинулся в тесные его ряды. На собрании в Красной Пресне ему был задан вопрос:

- Партийный-ли вы сейчас?

- Нет, я беспартийный /голос: "напрасно"/.

- Я считаю-не напрасно /голос: "почему?"/.

"- Потому, что я приобрел массу привычек, которые нельзя связать с организованной работой... Прежние навыки в до-революционное время крепко сидят... Я от партии не отделяю себя, считаю обязательным выполнять все постановления большевистской партии, хотя не ношу партийного билета. Если на сегодняшний день, я не связан с партией, то не теряю надежды, что сольюсь с ней.

И вот незадолго до своей смерти Владимир Владимирович подал заявление о вступлении в партию. Заявление попало в руки презренного врага народа Авербаха. И он всячески мешал вступлению Маяковского в партию. Этот же самый Авербах после смерти Маяковского, в своих выступлениях доказывал, что дескать "смерть Маяковского обусловлена его творчеством".

Этот наймит фашистских разведок ссылаясь на предисловие к поэме "Флейта позвончик".

Все чаще думаю -
Не поставить лучше
Точку пули в своем конце.

и на строчку из поэмы "Человек"

Он здесь застрелился у двери любимой.

Однако, тут же рядом с этой строчкой Маяковский дает яркое опровержение.

кто,
И застрелился?
Такое загнута
Блестящую радость сердца *вычекань...*

Поэма "Флейта позвончик" и "Человек" написаны в первом раннем периоде творчества Маяковского.

Поэма "Человек" наиболее слабая вещь из всего написанного в этот период.

Поэт в это время был совершенно одинок

...как последний глаз

у идущего к слепым человека...

Октябрьская революция дала поэту толчок, и он навсегда порвал с бунтарством и шагнул в революцию.

И с этого времени Маяковский становится поэтом революции. Он становится яростным борцом за полнокровное искусство, созданное народом для интересов народа.

Наша эпоха ярко и талантливо отражена в творчестве поэта, народность которого раскрывается только сейчас во всю свою ширь.

"Облако", "Мистерия Буря", "Хорошо", "Ленин", "Агитационные стихи" и лозунговые строфы будут читаться, как монологи героев Шекспира, как диалоги героев Пушкина.

Ненавидящие изменники родины сделали все, чтобы укоротить жизнь Маяковского.

Они пускали в ход клевету, травлю, подметные письма.

Враги знали, насколько велико значение творчества Маяковского, насколько любит и ценит его советский народ, насколько высоко ставит значение его творчества великий вождь народов тов. Сталин.

x x
x

Одному из своих "доброжелателей" в ответ на заявление, что стихи его долго не проживут, Маяковский как-то на вечере сказал:

- А вы заходите через сто лет.
Там поговорим.

Маяковский чувствовал, что его стихи будут испепеляюще жечься в счастливом коммунистическом далеком.

Маяковский чувствовал, что стихи его будут жить "вечно, как Октябрьская революция".

Ряд лучших советских поэтов / Асеев, Багрицкий / восприняли и унаследовали это богатство и многообразие поэзии Владимира Маяковского, которая не замыкается в "теме личной и мелкой".

И наша советская поэзия, многому учась у своего сильнейшего поэта-трибуна, продолжает свой победный путь к подлинной поэзии коммунизма.

И в центре этого победного шествия стоит "лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи" Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ, шагнувший к нам

Через лирические томики
Как живой

с живыми

говоря.

Причины двойственности мировоззрения Эдгара По.

Бернард Шоу сказал как-то, что двух гениев создала Америка - Эдгара По и Марка Твена.

Но они резко различны, они до некоторой степени полюсны.

Эдгар По - странный и страшный писатель, навезающий ужас, несущий с собой дух смерти, разрушения и Марк Твен - со своим легким несколько грубоватым смехом.

Эдгар По - это сплошное противоречие, болезненная двуплановость, мучительные сомнения и пассивность.

Естественно, что для выяснения причин этой двойственности мировоззрения художника, проявляющейся в художественной практике, необходимо внимательно изучить эпоху, в которую жил и действовал писатель и идеологию класса, рупором которого являлся он.

Америка в это время твердо шла по пути форсированного капиталистического развития, но вместе с тем ясно нарастал кризис между индустриальным Севером и рабовладельческим Югом.

Крупные хищники - плантаторы Юга стремились к дальнейшему расширению своего хоз-ва и в этом стремлении они неизбежно наталкивались на кольцо северных штатов.

В то же время нарастал и внутренний кризис рабовладения, все более ускоряющийся упадок.

Юг, сдававший позиции промышленному Северу, Юг, раздираемый внутренними противоречиями, Юг, идущий к гражданской войне и поражению - вот эпоха По.

В своем творчестве По и отразил этот кризис Юга, идущего к пропасти.

И классом, который переживал агонию, умирал, была земледельческая аристократия Юга. Это с одной стороны

И с другой - быстрое развитие техники, строительство железных дорог, фабрик, "пафос колонизаторства и освоения", рост и усиление могущества буржуазии.

С одной стороны мир, который падает от жизни, от сквозного ветра капитализма, скорбь, отчаяние, гибель, с другой - победное шествие "хозяев" века, рационализм и оптимизм.

И так как ясно, что победит новое, т.е. капитализм, то откуда и все Герои По во власти сокрушающих их условий. Из безнадежности вытекает безвольность

и пассивность в отношении героев По к действительности.

Протест для них бессмыслен и невозможен.

Кто-ж эти герои По?

Это большей частью аристократы, потомки древних родов, тайнственные отшельники, люди уходящего класса.

У класса нет выхода, нет перспективы.

У представителей этого класса - отсутствие классовой активности, безволие, пассивный протест, резко отрицательное отношение к буржуазной действительности.

Бытие противостоит героям По, как нечто враждебное.

Основная их черта - мрачное отчаяние, искания выхода в смерти.

Герой новеллы "Береника" говорит:

"Мысли мои никогда не были отрадными".

"Я только и думал о смерти" - говорит герой новеллы "Преждевременное погребение".

"Для меня угас свет жизни" - /"Свидание"/.

Трагическая безысходность пронизывает большинство новелл По.

Человек бежит от жизни, от самого себя, для него нельзя бездействовать, но в то же время действительность ведет к гибели, действуя, человек произносит приговор над собой.

И герой По не только выключается из жизни, но даже стремятся перестать мыслить.

Это показатель отчаяния, последняя грань распада класса.

Создается образ "человека толпы", который не может существовать один с собой, т.к. нечто страшное лежит на нем; он может быть только с толпой.

Таким образом, трагический узел противоречий является следствием положения класса.

Знак рока лежит на героях По

Судьба этих людей, по мнению По, predetermined еще до их рождения.

Гибель для этих героев кроется во всем: в жизни, в деятельности, в любви.

По - художник умирающего класса, он резко относится к буржуазной Америке, подымаясь иногда до сатиры /"Человек человек"/, но в то же время По не мог не видеть того, что буржуазный прогресс несет с собой расцвет науки, порождает людей предприимчивых, практических, добивающихся своей цели волей и настойчивостью.

Расцвет науки и техники, географические открытия - все это, естественно, привлекало По.

Но здесь то, в этом обращении По к науке /как средству бурж. прогресса/ и сказалась глубокая двойственность мировоззрения Эдгара По.

По требует строгой логики от научной фантастики, но в своих так наз. научно-фантастических новеллах этой логики у него нет.

В этом виде близость науки и искусства особенно очевидна, здесь часто художник уступает место ученому.

Писатели предвидят открытия /Озидий в I в. создал фантазию о жидком воздухе, полученном 2000 лет спустя - Дьюаром/.

У Ж. Верна, Уэллса - налицо прогрессивный характер науки, "научный пафос" буржуазии.

Эти черты были чужды По.

Эдгар По идет не по линии колоссальных возможностей науки, не по линии предвидения, а по линии "научообразия" /в этом сказались в значительной части влияние Гофмана/.

По идет по линии количественного перечисления, каталогизации, увеличения или уменьшения.

Вот например, новелла "Тысяча вторая ночь Шахерезады" /

/ . Тут собраны все чудеса мира: быстроходные поезда, огромные океанские пароходы, автоматические счетчики, коралловые острова и скаменевшие деревья и т.д. Но все это просто перечислено и только.

Будущее науки у По - сплошные масштабы.

В одной новелле говорится о полетах на луну.

I-й полет - шар небольшой, во 2-м - больше, в третьем полете - огромный шар.

По вводит массу цитат, географических подробностей, скрывая этим бессилие.

Во время По организовалась антарктическая экспедиция Рейнольдса, а По пишет "Повествование А. Гордона Пима", где нагромождены убийства, корабли мертвецов, людоедство, гигантские призраки в саванах на полюсе.

По берет то, чего нет в действительности и быть не может.

По включает в свои фантазии мистику и суеверия.

Его фантазии, как говорит Леон Кельнер "псевдо-научные фантазии".

"Научную" фантастику По называли "мистификаторской математикой".

"Научообразие" По - выражение противоречивости его идеологии.

По отразил влияние все более растущей и крепнущей буржуазии. Отсюда стремление понять капиталистическую науку и технику.

Но попытка понять привела к непониманию, в силу кризиса идеологии По, трагичности положения аристократии.

Отсюда его своеобразная романтика, когда герои не приемлют бурж. действительности и оседают ... на луне /Гордон Шим, Пфалль/.

Представители буржуазной среды /

- сын

биржевика/ не обладают чертами устойчивого оптимистического мировоззрения.

Научно-фантастические новеллы выражают идеологию По: мир гибнет, человек — жалкая игрушка рока.

По ярый антиреспубликанец /республика для него "господство сволочи" — /, противник демократии.

Эдгар По идет назад, к средневековью, к алхимикам, наука у него средство ухода от действительности /романтизм По/, к творчеству По исключительные подходят слова Ленина о том, что "его герои близки к тем существам без времени и пространства", которые суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя /Ленин, т. X, 1-го изд., стр. 152/.

Л. Л. БЕКЕ

Помещая статью т. ДОСЕКИНА, необходимо отметить, что автор делает главный упор на вопрос о литературном воззрении Эдгара По. В этой части у него имеется много интересных и оригинальных суждений. К сожалению, совершенно не затронут вопрос о Эдгаре По, крупнейшем художнике, великом стилисте и замечательном дириже, оказавшем огромное влияние на самые разнообразные течения западной и русской литературы. Без учета всего этого у читателя может сложиться не вполне правильное мнение об этом крупном американском писателе, оказавшем в своем творчестве противоречия своей эпохи.

Вит. МОРОЧНЫХ,
студент 2 курса литфака.

Ф Р А Н С У А В И Й О Н .

Практическая работа по средневековой литературе Запада.

В XV веке, на рубеже средних веков и нового времени, появился человек, который прославил свою единственную, горькую и маленькую жизнь и людей, с которыми он встречался. И это было в эпоху последней миннезанга и майстерзанга. Это один из тех поэтов, жизнь и творчество которого накрепко связаны. Он жил впереди своей эпохи, медленность времени страшила его, давая почву его пессимизму. Он представитель тех людей Франции, которые уже стряхнули с себя пыль средневековья, но встали в тупик зажима, в тиски Французского абсолютизма. Новые отношения породили Вийона, но они же раздавили, смали и погубили его — история не останавливается для сохранения талантов.

Этого поэта звали Франсуа Де-Монкорбье, более известного под своим литературным именем Вийона. Он никогда не думал о славе, павшей ему на долю, каждая минута его жизни была полна лишь борьбой за следующую, за кусок хлеба, за кров, за место под солнцем. И сейчас для многих непонятна его темная странная жизнь и горячее, искреннее вдохновение его стихов.

О нем долго ничего не было известно. Его биография — это хаос. Ведь он не был ни полковником, ни канцлером, никем другим. И даже Пушкин имел о нем одностороннее представление, хотя прекрасно знал Французскую литературу. Он писал следующее в заметке "О русской литературе, с очерком французской": "Во Франции тогда поэзия все еще младенчествовала. Лучший стихотворец Вийон воспевал в площадных куплетах кабаки и почитался народным поэтом".

При восстановлении его биографии долгое время играли основную роль его собственные сочинения, т.к. они тесно связаны с его жизнью. Но это был неточный материал, дававший произвольное, субъективное освещение событий. А при этом многие произведения были не его, а лишь ему приписывались.

Его современники редко говорят о нем, как о поэте, а чаще как о бедняке, который, чтобы достать хлеб, пускался на все; а еще чаще рассказывались о нем веселые побасенки и анекдоты.

И лишь во второй половине XIX века были привлечены документы и юридические акты, сохранившиеся во

Французских архивах. Труд Лонньона на основании этих данных дал много нового и уже юридически достоверного.

Даже о имени поэта шел долго спор и сравнительно недавно установили, что его звали Франсуа де-Монкорбье и что имя Вийона перешло к нему от его покровителя, священника Гильома Вийона, человека гумманного и благородного, который помогал ему и впоследствии, несмотря на все его нравственное падение. А долго считали, что Вийон было нарицательное имя поэта за его проделки и мошенничества, а некоторые даже считали, что это в те времена обозначало обманщика и мошенника. И даже происхождение окончательно не выяснено до сих пор.

Поэт родился в 1431 году, повидимому в Париже, в эпоху обнищания и кризиса Франции после Столетней войны. Родился в бедной дворянской семье де-Монкорбье; рано потерял отца. Воспитан священником Гильомом Вийоном. О ранних годах ничего неизвестно.

С помощью воспитателя попал в Парижский Университет - отсюда начинается его жизнь, известная нам по отрывкам, полная нужды и горя.

Парижский Университет в ту пору был обособлен от всего Парижа и представлял собой хаос и беспорядок. Наука была на втором плане, большинство студентов видела задачу в веселом препровождении времени, редко посещала лекции, скоплялась в кабачках Латинского квартала, а иногда в притонах всего Парижа, где придумывала мошенничества для добычи средств существования. Для мирных обитателей Парижа они были стихийным бедствием.

Вийон поступил в Университет в эпоху смут, которая длилась годами и, не имея идейной основы, выливалась в уличные сцены, срывание вывесок и даже похищение двух каменных столбов, которых повенчали с соответствующими церемониями и проходящих мимо королевских чиновников заставляли кланяться. Беспорядки показывали, что студенчество было громадной силой, но, к сожалению, не научной. Состояние нравов Латинского квартала, где жили студенты и где помещались все учебные заведения, было ужасно. Очень часто учебные заведения помещались рядом с кабаками и публичными домами, а иногда, как это было в XIII веке, одно учебное заведение вместе с публичным домом помещалось в одном здании.

Преподавание носило схоластический, педантичный характер. Были наказания розгами, на которые тратились большие суммы. Не получая настоящего гумманитарного воспитания, студенты терпели нужду, толкавшую их часто на нищенство и грабеж.

И именно в Латинском квартале Вийон и вступил на тот скользкий путь, который довел его до тюрьмы и виселицы. Началось это сравнительно невинно: с набегов на лотки торговки и мелкие лавочки, что было очень часто среди господствующего студенчества. Нужно сказать, что парижское студенчество того вре-

Мени было очень похоже на бурсаков из произведения Помяловского "Очерки бурсы". В кругах студенчества не обходилось без буйных кутежей, сменявших голодовки, часто бывали грабежи и даже похищения женщин. Вот та "научная" атмосфера, в которую вступил Вийон. Почти лишенный средств, т.к. скудной поддержки воспитателя не хватало, Вийон, попавший в беспорядочное общество, также заразился этим судорожным желанием хоть немного хорошо пожить, хоть раз до сыта наестся. Конечно, среди этой многолюдной толпы были люди, самоотверженно преданные науке, как один, о котором рассказывает, что он, исполняя днем обязанности заочника, ночью на чердаке читал книги при свете луны. Но это было исключением. А общий дух молодежи был другой. Вийон в этой обстановке совершенно потерял голову, не отличаясь твердостью характера, и подпал под влияние окружающей среды, где были не только шалуны и проказники, но и будущие преступники. И он вскоре в этом отношении превзошел своих товарищей, хотя это не помешало ему получить 19-ти лет степень бакалавра, а 21 года степень магистра искусства. Это говорит о его больших способностях. На преступный путь его толкнула возлюбленная Катерина де-Восель, которая была корыстолюбива и требовала от него материальных доказательств его любви.

Уже в это время сложился его облик. Это был грубоватый человек, неловко и жестоко шутивший, ему доставляли удовольствие драки, волнения студенчества с требованиями привилегий для Университета. Хотя сам он ни во что серьезное не был замешан, ограничиваясь сочинением романсов и стихов по поводу какого-нибудь забавного или скандального случая. Посещал самое дурное общество: сыновей задолжавшихся семейств, разгульных клерков и т.д. Был известен во всех тавернах и кабаках. Сделался великим мастером в искусстве мелкого воровства и умел ловким мошенничеством добыть все для веселой пирушки. Это были веселые шутки, за которыми последовало серьезное. В 1453 году, реагируя на отмену Университетских привилегий, создает заборную реалистическую поэму "Чортов камень".

Не порывая связи с низами, из которых он вышел, Вийон вращается в кругах богатой молодежи, встречает хороший прием в богатых буржуазных домах. Рано и легко овладев поэтической формой, техникой и тематикой современной ему поэзии, он с успехом вытупает со своими стихами наряду с модными поэтами. Но скоро к модному стилю у него создается ироническое отношение. Он пишет гимн говору парижских улиц и делает его языком своей поэзии.

Случай окончательно направил его по преступной дороге. В 1455 году во время уличной ссоры, начавшейся не по вине Вийона и которая перешла в рукопашную, он камнем смертельно ранил связенника Филиппа Шармоз. Вийон бежал, скрывался в Париже и его окрестностях, где сблизился с подонками общества, из которых многие подобно ему имели ученые степени. Суд приговорил Вийона к смертной казни, но после его апелляции — к изгнанию

из Парижа. Перед ним открылась вся Франция, где он должен был скитаться, не имея никаких средств к существованию, ни устойчивых принципов. К прежней трудовой жизни Вийон уже больше никогда не смог вернуться. Он падал все ниже. Сблизился с известной неуловимой шайкой, которая своей бандитской деятельностью навела ужас на Францию. Вийон научился воровскому жаргону, которым и написал несколько баллад, которые являются отражением самых жутких сторон его жизни.

В 1456 году Вийону разрешено вернуться в Париж, но он возвратился совершенно испорченным. К концу этого же года принял участие в дерзкой краже со взломом в Наварской коллегии - духовном учебном заведении Парижа. Получив свою долю в добыче, Вийон покидает Париж и уезжает в Анжер, где задумано новое преступление шайки.

До отъезда им написано произведение, которое впоследствии получило название "МАЛОЕ ЗАВЕЩАНИЕ". Оно состоит из 40 восьми строф. Это прощальное послание в форме юмористического завещания своим приятелям и знакомым по беспутной жизни, образы которых он дает в карикатурном наброске. Однако, в этих ярких сатирических гротесках, пародировании модной салонной лирики и ученой схоластики проскальзывает минорный тон, выдающий грусть поэта, расстающегося с Парижем. В этом произведении нет и намек на истинную причину отъезда, напротив: произведению в значительной степени придан характер амурного завещания и отъезд из столицы мотивирован жестокостью возлюбленной, намерением порвать с нею и забыть прошлое. Его произведение не похоже на произведения его предшественников, хотя жанр завещания был уже значительно стар. Он первый еще в XV веке открыл поэзию ежедневной жизни с ее серыми и печальными буднями. Вийон говорит о своих любовных приключениях, о заблуждениях, жизненных невзгодах, он жалуется, но без горечи и скорби. Его творчество не требует усилий: он творит потому, что лучше других видит и сильнее чувствует. Он показывает взрослых детей Парижа, к которым так идут их лохмотья. Он не выдумывает свои темы, он собирает, подбирает их у своих ног на улицах Парижа и иногда в его лужах. Он описывает просто, что в один прекрасный день он, подобно Вертеру, покидает город, убегая от несчастной любви, он едет очень далеко, в Анжер и делает распоряжение о своем имуществе. Пусть пьяница унаследует его боченок, бедные клерки его университетский диплом, который, увы, не обогатит их, а одному слишком толстому приятелю завещает два своих процесса - они подтянут его брюшко.

Вскоре соучастники Вийона арестованы, открылась и его участь. В следующем году Вийона арестовали и привезли в Париж. На суде коккильаров, где было немало людей с учеными степенями и духовных лиц, и даже одна настоятельница видного женского монастыря Парижа, было открыто, что Вийон был одним из деятельнейших членов и главарей шайки. Он был приговорен к виселице, но смерть была заменена изгнанием.

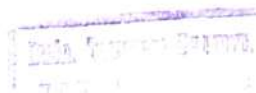
Эпоха Вийона, - эпоха смутного и тяжелого состояния

общества. Страна переживала последствия столетней войны с Англией, которая изнуряла и обессилила население. Вторжение иноземцев на родину, блистательные их победы, унижения - все это оказало подавляющее действие на народ. Вийон родился в Париже в то время, когда в стране еще были англичане, наряду с иноземным вторжением Францию изнуряли междуусобицы феодалов, народные мятежи и общий развал хозяйства. Толпы французских наемников, призванные на борьбу с врагом, бродили по стране, грабя и опустошая целые деревни. Неурожай был хроническим явлением. От голода вспыхивали страшные эпидемии. Лишь в 1438 году в Париже погибло от эпидемии 50 тысяч жителей. Настроение масс было подавленное и тяжелое. И перед зрелищем страданий, бедствий целой страны у человека невольно возникала мысль о бренности земного, о смерти, и что земная жизнь есть тяжелое испытание. Наряду с этим наступление страшных эпидемий вызывало в людях иступленную жажду наслаждений, что было причиной полного упадка нравов. В ту пору, когда Вийон скитался по стране, война была кончена, но разруха не была изжита. И мы смягчим приговор над жизнью Вийона, когда представим его среди этого беспорядка, разрухи, невежества, толп мародеров, грабящих страну. И в самом деле, в то время, как Вийон был осужден, как грабитель, последние представители феодального строя, пользуясь своей силой и неприступностью замков, грабили окружающее население, только в более грандиозных размерах, при этом сохраняя свое почетное уважение, положение.

Странствие Вийона продолжается 5 лет. Судьба его порой похожа на роман. Он то чуть не нищенствует, то живет в числе избранных поэтов при дворах феодалов. При дворе герцога Карла Орлеанского Вийон участвует в состязании 12-ти поэтов, которые должны были написать балладу из противоречивых положений по образцу стиха, заданного герцогом "Я умираю от жажды над источником". По преданию победителем этого состязания в Блуэ вышел Вийон. Но он не долго уживается с феодалами и быстро покидает их дворы. На время он появляется при дворах Рене Анжуйского, Иоанна II Бурбона, но чаще его странствия для нас неизвестны.

В 1461 году Вийон сидит в тюрьме г. Мёна-на-Луаре, где его чуть не сгноил неизвестно за какое преступление епископ Орлеанский, типичный средневековый церковник. Вийон сидел в сыром и холодном подземельи на воде и хлебе с перспективой возможной казни. Из темницы Вийон перед лицом близкой смерти слал в Париж стихотворные послания о помощи. Вийона от гибели спасла случайность: Людовик XI, только что вступивший на французский престол, объявил свободу заключенным тех городов, через которые он проезжал. Вийон был освобожден, так как путь короля лег и через Мён.

Тотчас же после освобождения им написано его

№ 6712

главное произведение, обширная поэма "БОЛЬШОЕ ЗАВЕЩАНИЕ", которое было задумано им в скитании по Франции и сидении в Менской тюрьме. "Малое завешание" по отношению к этому произведению есть лишь легкий эскиз. Кто сравнит эти две поэмы, увидит, что пять лет, прошедшие меж ними, не легко дались поэту. "БОЛЬШОЕ ЗАВЕЩАНИЕ" - 172 восьми-строчных строфы, в перемежку с самостоятельными, хотя и внутренне связанными с ними стихами в излюбленной тогда форме баллад или рондо.

Он разворачивает более обширную панораму Парижа от самого верха до самого дна. При этом в лирических отступлениях, давая образцы своей лирики от жизнерадостного до нарочито /для контраста с модной салонной лирикой/ циничного буффонского жанра, прославившего Вийона в парижских кабаках, до глубокой интимной лирики, до бесед с самим собой. Дается драматизм положения многих людей той переломной эпохи, которые в условиях Франции успели морально и интеллектуально освободиться от пут средневековья и очутились зажатыми в тиски французского абсолютизма.

Он начинает с того, что бросает грустный взгляд на прошедшее и признается в заблуждениях. Он прекрасно выражает скорбь о быстротечном, невозвратимом времени, он придает поэтическую теплоту самым вульгарным типам, смотря на них сквозь призму прошедшего. Как мила, например, эта старушка - оружейница, когда-то резвая молодая девушка, теперь она сидит сгорбившись со своими кумушками - "они сжались в одну кучу, как клубки, костер то вспыхнет, то потухнет, а они говорят о том времени, когда они были так привлекательны".

Основные определяющие моменты творчества Вийона это следующие: 1/ контрастность, 2/ лирический субъективизм, 3/ глубочайший сенсуализм /тяготение к чувственной стороне жизни/. Все у Вийона построено на этих моментах.

В основе "Большого завешания" лежат ирония и пародийность. Предметы завешания это: кружки пива, пустой кошелек, вывеска кабака... Традиционная характерная для формалистической, аллегорической поэзии XIV, XV века баллада у Вийона часто пародийно снижена. В виде пародии он дает и ультра-натуралистические картины попойек, притонов Парижа, говоря от лица кутилы, вышибалы. Реальность у Вийона иногда переходит в гротеск. В этой манере им написаны его лучшие вещи: "Диалог сердца и тела", "Баллада о дамах былых времен". В его вещах, где много грубости, цинизма, а порой тихой искренней грусти была свежая, мощная струя народного языка и народных мотивов, которые воблались в затхлую атмосферу литературных салонов. И теперь еще привлекательны его искренние, сердечные, иногда грустные мотивы, которые сохранил в душе этот человек среди разврата, нищеты и преступлений.

Один из сильнейших контрастов в "Большом завешании" - это молитва его матери, простой, набожной женщины

по просьбе которой он и написал это произведение. Он говорит от ее имени и замечательной теплотой и искренностью веет от его строк, он показывает чувства искренней веры необразованной, забитой женщины, для которой молитва в тяжелой безрадостной жизни единственное утешение, которая просит за себя, за своего падшего сына. Это образец замечательной творческой силы, которая делает возможным перевоплощение в чужую психологию, которая заставляет пережить неиспытанные им самим ощущения.

Весьма характерно для Вийона его гуманное отношение к женщинам легкого поведения, как толстая Марго и др. его героини. Этот человек за оболочкой внешнего цинизма сохранил мягкий, сострадательный взгляд на их позорную и несчастную участь.

Он задолго до Гоголя бросил крылатое выражение "Смекьсь сквозь слезы". Он более чем кто другой осознал бренность земного. Он оплакивает свою быстро исчезнувшую молодость, которую он сам погубил.

"О юности могу грустить я,
Когда я был еще глупцом
Кутил я, до ее отбытья.
Она оставила мой дом,
Она ушла, но не пешком,
Не на коне, но как - не знаю!
Внезапно скрылась за кустом...
Ищу, грущу и вспоминаю."

Поэтому так ярко и искренно грустит об ушедшей молодости бывшая красавица и победительница сердец.

Звучание рефрена "Но где же он, где прошлогодний снег?" - глубоко поражает Вийона и он с волнением рассказывает об этом нам. Очень умело он переходит от своих личных мотивов к общечеловеческому, от своих бедствий к бедствиям других людей.

Особенно большое место занимает в его произведениях мотив смерти. И смерть он рассматривает, как нечто необходимое.

"Когда бедность мучила меня, мне часто говорило сердце: не скорби, что ты не так богат, как Жак Кер: лучше жить в сермяге бедняком, чем гнить под богатым памятником."

Умер мой отец. Бог да спасет его душу, а тело его взято могилой. Слышу я, что моя мать скоро умрет: и бедная женщина знает это, и ее сын также не уцелеет. Я знаю, что и богатые и бедные, мудрецы и безумные, великие и малые, духовные и светские, благородные и мужики, щедрые и скупые, красивые и дурные, вечно нарядные дамы, люди всех сословий не избегнут ногтей смерти.

Умирает Парис и Елена, и смерть сопряжена со страданием: дыхание прерывается, сердце лопається от желчи, все тело обливается потом. И это не такая боль, в которой можно получить облегчение. И ни дети, ни брат, ни сестра не возьмут ее на себя."

Картины мало изящны, но силу выражения нельзя отрицать.

Таково "Большое завешание" - Эта пародия на

духовное завещание, где Вийон показал неверие в загробный мир и утвердил единственную земную жизнь.

В 1463 году за участие в выступлении против папского резидента в Париже Вийон опять приговорен к смертной казни, но она заменена изгнанием. В ожидании смерти им написана "Баллада о повешенных", в которой он дал мрачную картину публичной казни. В этой поэме-гротеске он ярко показал себя гениальным поэтом смерти. Ему представляется, что он сам и его товарищи уже повешены и обращается с печальной речью к людям-братьям. Это произведение до сих пор оставляет безотрадное впечатление о той эпохе и дает о ней понятие лучше всякого исторического исследования, - эпохе, когда люди с каким-то больным наслаждением останавливали свое внимание на мрачных сторонах жизни, когда даже любовное свидание по свидетельству самого Вийона происходили охотнее всего на кладбищах.

Имя Вийона встречается еще последний раз в полицейской хронике в 1463 году, когда им и его приятелями затеяна на улице драка, после которой он бесследно исчез или был убит в ней.

В поэзии Вийона чувствуются средневековые традиции, у него отсутствует гармония и пропорциональность, но по существу своей поэзии Вийон принадлежал целиком и вполне открыто новому времени. Отсюда в своих стихах он большое значение уделяет человеку, его жизни, его интересам. Его стихи - это вопль бедной души, подавленной нищетой и страданиями, но в его шутовском, злом или грустном голосе иногда слышался голос всего человечества. Ему выпала громкая слава. И последующие поколения сумели огрешиться от предубеждений и зная его печальную репутацию, воздать должное его замечательному творчеству.

Трагическая жизнь Вийона послужила темой для двух опер, нескольких поэм, одной новеллы и романа. Этот поэт в своем творчестве определил все развитие последующей буржуазной литературы. Вийон оказал огромное влияние: на поэтов Возрождения /П. Грангуар, К. Маро, Рабле/, на сатириков и реалистов XVII века /М. Ренье, Лафонтен, Мольер, Вольтер/. Продолжателем бытовой поэзии Вийона в XIX веке является Беранже. Вийон оказал влияние на поэзию упадка буржуазного общества - символистов Бодлера и Верлена. Переводчики Вийона на русский язык - Эрнбург, Брюсов.

ДУШЕНКО Виктор,
студент I-го курса Литфака.

Поезд полз, гремя и извиваясь, по необъятному зеленому полю. Хлопья густого, белого дыма, вылетающие из трубы паровоза, медленно плывут перед окнами вагонов и исчезают в вышине, откуда, навстречу им, спускались маленькие пушистые пучки, которые, казалось, спешили быстрее всех обняться с игривым братом — дымом и заглянуть в многочисленные оконца убегающего поезда.

И дым, и облака, и земную степь — видит в открытое окно пассажир, мужчина лет 45, маленький, крепкий, с загорелым медным лицом, с грубыми короткими волосами. Легкий ветер, с запахом поля, врывается к нему в окно, перебирал его черные короткие волосы, трепал по вагону тихие звуки гармоники, сметая со столиков скорлупу яиц и уносился прочь.

Новый порыв ветра закрыл книгу у лежащего пассажира, тот полуподнялся на локте, повернулся, блеснув очками, к человеку у окна: — "Нельзя ли закрыть окно, товарищ?" Но человек у окна не услышал его; едва ли он слышал фыркание паровоза и таканье колес. Он смотрел неподвижно в окно куда-то в даль мимо полей и мелькающих столбов.

Однако, когда чей-то голос совсем близко тихо и мягко спросил: "Любуетесь?", человек у окна чуть заметно вздрогнул и, думая, что его испуг заметили, смутился и его глаза, маленькие и черные, забегали будто капельки воздуха в плотничьем уровне. Перед ним стоял мужчина в очках, плотно сидящих на тонком чуть-чуть горбатым носу. В правой руке он держал прикрытую книгу и видно было: он подошел с явным намерением закрыть окно, но неожиданно переменил тон и, улыбаясь, повторил выражением своего лица: — "Любуетесь."

Человек у окна хотел бы ответить "Любуюсь", но зачем же так громко кричать, а в слух другое: "Смотрю":

— Я тоже, признаться, большой любитель природы, —

проговорил человек в очках. - Да кто ее и не любит?!
Нынче особенно хорошее лето, солнечное, теплое. А ра-
стительность! Смотрите, - указал мужчина в очках за
окно тонким, белым пальцем с пятнышком чернил, - какие
хлеба у колхозов.

- Хороши. Очень хороши! - произнес человек у окна.
Пшеница широко распростерлась перед окном. Высокая
и густая она тяжело колыбалась едино, как будто огром-
ный гамак. Казалось упадешь в нее и не провалишься -
она покатит тебя по своим волнам далеко - далеко...

- Замечательное житье у нас настало! - воскликнул
человек в очках.

- Потрудишься - покормишься, как говорят.

Человек в очках ближе подошел к окну, оперся о
подоконник: - Трудиться приходилось. -

- И на фронтах и в мирное время, - добавил мужчина
у окна.

Человек в очках удивился: - Вы были на фронтах?

- Приходилось быть на разных, а последние года гра-
жданской в Средней Азии.

- Расскажите что-нибудь.

- А до города С. много еще проедем?

- Вы туда?

- Угу.

- Вот кстати, чорт возьми, я тоже туда. Однако, вы
по какому делу, позвольте узнать?

- По колхозному.

- Да ну-у?! - отступив, выбросил руки человек в
очках. - Не думал, не думал. Какое совпадение! Выходит
мы с вами коллеги. Будемте знакомы, - подал руку пас-
сажир в очках, - Петр Иванович Николаев.

Человек у окна своей загорелой жесткой рукой, с
желтыми от табака пальцами, сжал белую, крепкую руку
Николаева и произнес: - Федор Худяков.

- Очень приятно, - улыбнулся Николаев.

Скоро спутники хорошо ознакомились и вели оживлен-
ную беседу, как всегда бывает в дороге.

Худяков почувствовал уважение к обаятельному чело-
веку в очках, или оттого, что он долгую дорогу провел
сам с собой, или оттого, что этот мужчина был с ним
так вежлив и разговорчив, словом, ему было особенно теп-
ло и приятно в обществе с ним. Казалось он даже привя-
зался к нему, что свойственно большинству людей, пере-
жившим многое.

- Н-да-а, - протянул Николаев, сдвинув белыми
пальцами рукав нового костюма и из под очков посмот-
рел на часы, клещем прилипшие к руке, - Десять. -
Через часок будем в С. - Николаев помолчал и тихо:

- Да, вы обещали рассказать что-нибудь.

- Знаете, неудобно как-то о себе, - извиняющим то-
ном сказал Худяков.

- Мне кажется наоборот вы должны гордиться этим.
Я бы вот с удовольствием чем-нибудь похвалился, но я
в гражданскую был красноармейцем.

- Собственно и у меня ничего особенного. Служил я,
как и многие, - рассказывал Худяков, - в Красной Ар-
мии. Запомнился мне один эпизод. В последние годы гра-
жданской войны мне поручили выбить отряд Атамана Верев-

кина. Слышали такого? - спросил Худяков.

- Нет, что-то.

- Я его и сам раз видел. В Средней Азии он бушевал. Зверь был, сжигал на кострах людей, вырезал ремни из человеческой кожи.

- Ай-ай-ай, - качал головой Николаев, - были гады, были.

- Ну, и наш отряд, - продолжал Худяков, - двинулся в погону. Местность была знакомая мне.

- Вы что, командовали отрядом? - перебил Николаев.

- Вроде командира был, - неохотно ответил Худяков, и сразу о другом. - В горах нас застали сумерки. Мы боялись, что банда атамана за ночь уйдет от нас и мы решили преследовать. Кстати взошла луна и стало светлее. Но получилось так, что мы натолкнулись на отряд Веревкина неожиданно. Завязался бой. Все смешалось. Крики, ржанье лошадей, стоны, сверканье шашек, топот. Из гущи боя я вдруг заметил всадника в особом мундире, в фуражке с блестящим козырьком. Я догадался, что это атаман, видел я его впервые. Мне захотелось сойтись с ним. Пришпорил коня и поскакал. Но видно ординарец атамана выстрелил и мой конь со всего скака рухнулся о землю, а меня словно кто-то сильной рукой выдернул из седла, перекинул через шею коня и шлепнул о землю. В глазах у меня все перевернулось, почернело, тошнота, боль. Все же я поднялся и слышу смех над головой. Открыл глаза. Передо мной мундир, блестящий козырек фуражки, на белоногой лошади. Это был атаман. Он смеялся. Я видел его белые зубы и прыгающие усы. Потом он занес шашку. . . . Что было дальше, - не помню. Очнулся в больнице. Голова в бинтах, страшно горит. Первыми моими вопросами: Что с атаманом? Как отряд? И что вы думаете, товарищ? Этот мерзавец остался жив.

- Что вы говорите?

- Представьте себе отряд его разбили, а он с приближенными скрылся. Говорят ушел за границу. А как тяжело это было слышать. Я меньше, кажется, был бы убит, если бы доктор сказал мне: "Вам жить одни сутки!" Сколько он погубил жизней. . . .

Молчание. Худяков опустил в под умные, черные глаза. Шаршавые его пальцы дрожат. Николаев тоже неподвижен и минуту грустен, но потом вскинул голову и весело: - Все же те года прошли. И теперь мы избавлены от всех этих кошмаров. -

Снова пауза. Слышно таканье колес, близкое шуршанье газет, редкий кашель, смех. Кто-то стаскивает чемодан, стучает чайником, из конца вагона плывут звуки музыки, то тихие и грустные, то громкие, спешащие и веселые. И спутники только теперь услышали их, хотя гармонист уже давно старательно выводит мелодии.

- Вот и тракт к заводу, - прервал молчание Николаев, кивнуло в окно.

- К какому?

- Вы не знаете? Что вы, что вы! Гражданин нашей республики, - упрекал Николаев. - Бывшая угнетенная нация построила.

- Я, я. . . , - замялся Худяков.

- Впрочем вам можно простить, - выручил Николаев.

В наши дни действительно обо всем не упомянешь. Сегодня едешь - голая степь, а завтра - ты заблудишься в родном краю среди шахт, заводов, - и, поблескивая стеклами очков, продолжал: - И вместо вчерашних криков орлов, верблюдов, - степь стонет от гудков, от звона железа!

За окном вагона бесчисленной стаей белоснежных гусей рассыпалась колхозная капуста, а поодаль тянулись красные кирпичные постройки, похожие на соты с десятками пустых дыр.

Узкое медное лицо Худякова растянулось в счастливой улыбке. От уголков губ к маленьким ушам побежали морщинки. - "Не был 2 года и как все изменилось", - думал Худяков и грустный налет воспоминаний о прошлом исчез. Стало радостно и приятно на душе...

Пронзительно засвистел паровоз. С шумом, будто крыло ветреной мельницы, промелькнул семафор, затем огоньки на стрелках и, наконец, большими светлыми окнами взглянул вокзал.

- Ну-с, приехали, - беря портфель, проговорил Николаев.

Спутники вышли на перрон. Яркий свет фонарей играл на асфальте. В клумбах золотился фонтан. Из придорожного сада слышно щебетанье воробьев. Николаев был особенно весел: то он трогает длинными, белыми пальцами руку Худякова, то гладит ими свою чисто выбритую верхнюю губу, то широко улыбаясь, смотрит кругом на Худякова, на бегущих пассажиров. Худяков же чувствовал себя несколько неудобно. Ему казалось он в блестящем зале, а рядом с ним в новеньком костюме, при модном галстуке, в ярко начищенных штиблетах, с портфелем, чистенький, аккуратный Николаев. - "Что же я за собой не слежу, - думал Худяков, как думает всякий в данном случае. - На мне старый пиджак, плохие брюки, сапоги простые, щетина. Нет, надо как-то и работать и следить за собой. Ну ничего, вот исправлю дела и тогда подумаю, - решил Худяков.

Они уже шли по дороге тянувшейся к городу. Смеркалось. Тополя темные и таинственные стояли сплошной стеной вдоль дороги. Мягко шумя, пробежал последний автомобиль, поливая шоссе ярким светом фонарей. Снова тишь. Только где-то направо попискивала сова, да чуть слышно шелестели тополя, словно этим они отвечали на свежие поцелуи теплого ветерка.

Впереди, как-то по-особому радостно, вспыхивали огоньки города. Все располагало к любви, к миру...

- Какой вечер! - воскликнул Николаев. Я готов здесь быть годы. Убавимте шаг, все равно сегодня дела не исправить. А здесь, право, что твой курорт.

Худяков больше молчал и говорил с Николаевым неохотно, односложно, точно и в самом деле боялся упустить возможность подышать вечерним лесным воздухом. Он брел сбоку шоссе по густой траве. Часто он подпрыгивал и срывал липкие, пахучие стебельки тополя. Несколько позади Худякова шагал Николаев. Он был без фуражки и ветер перебирал его волнистые, русые волосы. В сумерках Николаев еще больше вытянулся и походил на свой тонкий и длинный галстук. Он шагал как-то плавно и тихо, воровато оглядываясь кругом.

Правую руку он глубоко держал в кармане и когда Худяков наклонился, Николаев, собравшись в комок, прыгнул на него...

В этот миг Худяков почувствовал невыносимую боль в шее и под тяжестью чьего-то тела повалился.

- Защищаться, защищаться, - стучало в голову Худякову, и ослабевшей, невероятно тяжелой рукой ударил он по навалившемуся. Брызнули стекла очков. Николаев чуть отпрянул и тут только почувствовал, что в руке у него все еще нож.

Резать, - мелькнуло у него в голове, но руки произвольно потянулись к горлу Худякова и сжали его. Худяков перед глазами увидел повисшие на одном ухе очки, а ближе-глаза мутные, те самые неприятные, мутные глаза, которые он видел когда-то давно из-под фуражки с блестящим козырьком, те самые оскаленные белые зубы. Сбритые усы так неудачно скрывали его лицо.

- Он! - хотел крикнуть Худяков, но воздух застрял где-то в груди... А смертельная рана брала свое. В памяти Худякова побежала его жизнь, сперва детство, потом юность, мать, отец. Встал перед глазами дорогой облик жены, затем маленький сынишка протягивает к нему ручки с звонким, милым голоском: Папа!... Папа...

Худяков дернулся - билась теперь одна мысль - бежать в Милицию и заявить об этом бродячем бездомном волке. "Он будет еще пакостить... Бегу... Скажу", - бродят, как во сне мысли у Худякова и он машинально силится скинуть эту омерзительную, противно горячую, тяжелую массу. Но ослабевшему телу пробежала всего лишь последняя дрожь. Только выдавленные черные глаза Худякова еще пристальнее смотрели на атамана Веревкина и говорили: "Видим тебя, видим... Тебе не уйти, не уйти..."

Атаман долго еще сжимал горло Худякова своими тонкими уже окровавленными пальцами, а потом встал и маленькими ярко начищенными штиблетами пинал по голове, пока не почувствовал под носком их, что-то мягкое вместе с тяжелой, теплой жидкостью обливающей его ноги.

- Захватят! Бежать! - нечеловечески прошептал Веревкин. Прыгнул и расплылся в темноте, как кусок грязи, брошенной в воду. Шелестели тополя...

А К С Е Н О В Д м . ,
студент 4 курса Литфака .

Не дать врагам пощады!

Моя страна -
Одна шестая света,
Не схватишь взглядом
Рубежей ее .
Цветет, как сад,
Республика Советов,
Рожденная в огне
Невиданных боев .
Вот о такой стране
Давно мечтали .
Из мглы веков
Искали к ней путей .
Лишь гений Маркса,
Ленин, Сталин
К счастливой жизни
Привели людей .
Мы знаем -
Счастье добывалось кровью,
Собрать ее -
Рекой бы стала течь .
Вот потому
С такой большой любовью
Мы берегли ее
И будем впрямь беречь .
Вот потому на тех,
Кто с ненавистью дикой
Нам гибель нес
В пороховом огне,
По всей стране,
Свободной и великой,
Гремит народный
Грозный гнев . . .
О, этот гнев!
Не даст врагам пощады
Довольно с них!
Поставить их к стене!
Пускай умрут!
Умрут с позором гадн:
Такая смерть заслуженно вполне!
Пускай поймут, когда
в предсмертном дыме
Пронзит сердца горячей пули груз,
Что в мире нет страны непобедимей,
Страны сильней,
Чем мирный наш Союз!

Так

БЫЛО

Рассказ

Лукьяновы жили в крестовом доме с большими окнами, обнесенном высоким тесовым забором. Белые ставни расписаны красными петухами, горшочками. Широкий, отгороженный от соседей рядом бревенчатых амбаров и завозней, х/двор порос кудрявой зеленой травой. В отдалении, на задах, виднеется пригон из плетня, умазанной глиной. У высокого, в человеческий рост, крыльца, не закрытого, с неудобными узкими ступеньками, к колу прибит чугунный умывальник, на подобие чайника.

Сегодня Петров день - престольный праздник. У Лукьяновых гуляют. Из открытых окон несетя крупный пьяный говор, попережку с песнями и гармошкой. В горнице, посреди пода, за двумя соткнутыми столами, накрытых одной вязаной красной скатертью, сидят гости. У горничного порога, на стуле, сидит Федька, нанятый гармонист. Черные волосы, вытянутый вперед подбородок, добрые и живые глаза, - все это придавало ему хмурый, привлекательный вид. Из передней, с ведром пива в руке, приплясывая, в коричневом пла-тти старинного покроя, с черными кружевами на груди, вышла сама хозяйка Мария Ивановна, невысокая смуглая женщина. Ее муж, Василий Павлович, кряжистый мужик лет 25-ти, красный, разгоряченный вином, подавал из синего эмадированного чайника самогонку.

- Песню, песню давайте! - закричал он, высоко поднимая чайник.

Мужик с клинообразной, седой бородкой положил голову на руку, облокотившись, и приятным тенорком начал:

"Скоро, скоро придется расстаться..."

Говор стих, все, при слушиваясь, с вниманием посмотрели на мужика.

"Скоро ты позабудешь меня..." - продолжал старик, свободной рукой приглаживая бородку.

Один за другим начали приставать гости. Запела и Марья. Пьяные голоса, все усиливаясь и усиливаясь, вразброд вылетали в раскрытые окна, неслись по праздничной,

х/завозня - род амбара.

пьяной и разукрашенной улице; тихонько подыгрывали Федька, пристукивая в такт ногой. Марья пела упоенно, вся отдаваясь песне, блуждая взглядом поверх голов, где-то на улице, за окном. Видно было, что она страстно выливает всю душу в этой песни. Вдруг у ней мелко, мелко затряслись губы. Она остановилась на полслове, отвернулась и зарыдала. Судорожно заходили плечи. Федька вскочил было, но вспомнив, что он здесь только нанятый гармонист, быстро спустился обратно на стул, бросая на нее косые, тревожные взгляды.

- Марья Ивановна плачет! - крикнула одна из гостей.

Все, кромыхая скамейками, стульями, кинулись к ней. Она повернулась к гостям, вытирая слезы, попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкая, все еще вздрагивая подбородок.

- Что? Что с тобой? - спрашивали ее.

- Вот тут болит, под сердцем, - вслипывая, тихо отвечала она, показывая под ложечку.

- Я ничего... это пройдет... - старалась она успокоить гостей.

Василий Павлович стоял, поставив одну ногу на скамейку, и сердито и подозрительно смотрел на нее.

- Садитесь... успокаивала она.

Возбуждение стало спадать. Снова начали вспыхивать песни, но, без поддержки, быстро затухали.

Гости разбились на группы, о чем-то возбужденно споря. Некоторые сидели молча. Марья подавала пиво.

- мое сердце, - говорила она. Спазмы сжимали горло. Она напрягала все силы, чтобы не расплакаться снова. Со стаканом пива подошла к Федьке.

- Федя, милый, уйди, грех будет, - тихо проговорила она.

Федька пристально посмотрел на нее, и молча отвел ее руку со стаканом, крепко пожав.

- Ну, выпей... за дружбу... и... и за все..., - запинаясь, все так же тихо, говорила она, закусив нижнюю губу.

Федька вышел и перевернул стакан в знак того, что ничего не осталось.

- Вот спасибо.

- Ты что плачешь?

- Так...

- Марья! - прервал ее Василий Павлович, - не видишь закуски нет? - сурово посмотрел на нее.

Она подошла к столу.

- Рыба, капуста стоит, чего еще надо?

- Мало! Лукьяновы гости об"едки будут собирать?

- Цела - же тарелка...

- Кому говорят?!

Марья молча взяла тарелки и пошла. Проходя мимо Федьки, чуть слышно бросила:

- Заметил... уйди...

Федька посидел немного и встал.

- Василий Павлович мне идти надо.

- Иди, - коротко бросил тот, выразительно посмотрев на него.

Федька улыбнулся нехорошо, и вышел.

Постояв в подпольи с тарелками, не наложив ничего нового, Марья вернулась.

- Ну вот, - смягченно произнес Василий Павлович, - Теперь сходи еще за гармонистом, Ваську Маленького что-ли приведешь?

- Ладно.

Марья вышла. У ворот стоял Федька.

- Ну что плачешь? - ласково, с улыбкой, проговорил он.

- Федя... я сейчас... скажу, - давась, заговорила она, комкая в руках конец фарбука.

Помолчав, с силой бросила:

- Нет, не могу, - закусил нижнюю губу.

Федька, с все возрастающей тревогой, смотрел на нее.

- Я... я... когда Василия не было... я... забеременела...

- Но? Беременна?

Он схватил ее за руку, не смотря на то, что их могут видеть. Признательно посмотрел ей в глаза.

- Уйди. Жить будем, уйди от его, - тряс просяще ее руку.

Она ничего не ответила.

II.

Ужинали.

- Чего нюнила? - спросил, сурово хмурясь, подергивая лехматой рыжей бровью.

- Так... тихонько всхлинув, указательным пальцем собирая в кучку хлебные крошки, ответила Марья.

- А чего не ешь?

- Так...

Василий Павлович сразмаху бросил ложку в лицо Марьи и вышел из-за стола.

- Знаю я чего ты ревешь! Думаешь я слепой? Ничего не вижу? Ничего? В Петров день думаешь ничего не видел? Тебе Федьку надо? Федьку? А?! Ты с ним?... - и произвел крепкое мужицкое слово. - Все нутро ты у меня вымотала! Потаскуха!

Марья неожиданно встала, вызывающе выпрямилась и с расстановкой, выбирая слова, заговорила:

- Ну и что? Да, Федьку надо. Я беременна от его. Уйду от тебя. Уйду, хоть убей.

Василий Павлович остолбенел. Впервые он услышал от нее такие слова. Левая рука, которой он снимал с гвоздя фуражку, застыла в воздухе. Постепенно стали густо наливать ся кровью лицо, шея, заходили желваки. Он сделал назад руки и, широко расставляя ноги, в перевалку подошел к ней, прошипел приглушенным голосом:

- Ишь ты... какая!

Посмотрел на нее и вдруг рывкнул:

- На колени! Прощенья проси! Схватил за волосы и бросил на пол. Марья упала. Он начал топтать ее. Она только закрывала живот, изредка коротко вскрикивая: - Ой, ой!

Отшел, сел на лавку, вытирая пот, с усмешкой бросил:

- Еще?

Она поднялась и, подавая ему ремень, упрямо ответила: - Бей!

Он схватил ремень и с удвоенной силой начал хлестать ее по голове, по спине, по бокам.

Она подогнула ноги, руками закрывая живот. Василий Павлович бросил ремень, схватил ее за руки и, со всего размаха, пнул в живот. Она вскрикнула, схватив его за ногу, умоляюще запросила:

1 Не надо, Вася, в живот!

- А-а, - злорадно вырвалось у него.

- Васенька!

Он пнул еще раз, она перевернулась к стене лицом и застонала.

- Сволочь!

Василий Павлович оделся и вышел.

Ш.

После побоев Марья родила, месяца два не дожив до срока. Ребенок был хрупкий, маленький, красный. Сначала он только кричал, да спал.

- Умрет, - говорили соседи.

Марья заболела. Ломило спину. В животе, словно живой, кто-то ворочался, резало, больно вздохнуть. Грудь отвердела болезненно, нагрузли. Ребенок не сосал, все спал.

- Заверни его в шубу, да парь на печке, может и выживет, - посоветовали матери.

И она целыми днями лежала с ребенком на печке, парила его. Ребенок шевелил губами, открывал глаза, по временам ревел, а грудь в рот не брал. Так прошло долгое время. Но вот краснота стала спадать. Голова уже держалась на плечах. Он неуклюже взял грудь в рот и неумело зачмокал губами.

- Выжил, - радостно вздохнула мать.

У.

По улице с мячаньем, с порохом множества ног, поднимая долго не оседающее облако пыли, тянулось стадо. Лучи заходящего холодного солнца закутывались в этой пыли, придавая ей красноватый оттенок. За стадом шло покрикивание хозяек, шелканье калиток, скрип ворот у пригонов. Марья сидела у окна. Маленький, оборванный пастушонек, размахивая длинным бичем, крикнул развязно на корову Лукьяновых:

- Куда пошла? Потаскуха! Вся в хозяйку.

Ребенок бросил грудь, внимательно смотрел на стадо.

- Ну, чего устаурился? - любовно взяла его мать за подбородок, - ну чего? Эх ты, сурав, х/ - нажала на по-

следнее слово. К горлу подкатился комок. Она опять заплакала. Слеза тихо покатилась, - глупый, ничего не понимаешь, - слезы спокойно, ничем несдерживаемые, катились по щекам, на подбородок, по носу, - горемыка, натерпишься еще.

Ребенок бестолково махал руками в воздухе, стараясь поймать что-то невидимое. На крыльце застучали уверенные, тяжелые шаги. Послышалось громкое, со свистом, посмаркивание. Марья порывисто прижала ребенка к груди и отвернулась к окну. Вошел Василий Павлович, кряхтя сел на лавку к большой русской печке, облокотился на колени, потирая виски и подергивая мохнатой рыжей бровью. Поперек лба легла резкая упрямая складка.

- Не в духе, - подумала Марья. Это не удивило ее. С тех пор, как родился ребенок, она еще ни разу не видела его в хорошем расположении. Василий Павлович посидел молча и, не поднимая головы, резко бросил:

- Убирай своего сураза. Житья из-за него мне нет. Куда не пойду, все спрашивают: "Ну, как твой сын, растет?" Если ты его не уберешь завтра же, убью. Накину подушку и задую. Слышишь? Завтра же!

- Уйду! Завтра же уйду от тебя! Оба уйдем! Всю кровь ты у меня выщил!

- Ты что-то покрикивать стала. Смотри у меня, я тебе уйду. Опозорить хочешь? Опозорить? Мало сраму-то и так наделала? Мало? Смотри, - помахал узловатым, заросшим шерстью, кулаком.

У.

Староста, крупный сдобородный старик, лет шестидесяти, сидел на пороге, с интересом разглядывая битву кур из-за места под телегой, куда они спрятались от дождя.

- Вот ить каждая тварь где получше ищет, - подумал он, философски прищуривая глаза.

Из-за угла, вся мокрая, с узелком в руке, с закутанным ребенком, показалась Марья.

- Здорово живешь, - не то робко, не то печально поздоровалась она.

- Милости просим, - приветливо улыбнулся староста, - садись? гостьей будешь, а вина купишь - хозяйка будешь, - болтал словоохотливый старик.

Марья была возбуждена. Покрасневшие, запухшие глаза, измятое лицо - все это говорило о каком-то большом горе.

- Митрий Николаич, я к тебе по делу, - медленно заговорила она, глядя ему под ноги, одной рукой перебирая кисти цветной кашемировой шали.

- Садись, потом и говорить будем, - перебил ее Дмитрий Николаевич.

- Я пришла просить тебя, дай разводну с Василием...

- Что? Разводну? - удивленно привстал староста, - Что ты, бог с тобой?!

- Измываются он надо мной... житья никакого нету... Ребенка кормить не дает... - говорила она тихо, пришибленно, просяще, потупив голову.

Видно было, что она долго не решалась на этот отчаянный шаг. Она и сейчас еще не уверена. Стоит-ли? Может и так все уляжется. Мало-ли люди ругаются, дерутся. Вон Мишка Пашин своей Аксиные соскочил с лавки на живот, аж кишки вылезли, а живет же, терпит. Чахнет, да живет. Разойтись с мужиком! Позор-то какой! Парнишки проходу не дают? задразнят. А ребенок подрастет? Самое первое имя будет суразенок! Ну, да ребенку-то и не разводиться, так житья не будет. Василий кормить не дает. С кем, говорит, наша тот и пусть кормит. А если Федьке отдать - куда он его деваает? Сам в строку живет. В дети отдать - кому он нужен? Да и жалко.

- Ты, бышно, с ума сошла, дева! Да мало ли у кого что бывает? Уж я ли не бил свою Фектинью? Волосы-то все выдергивал, в кровь избивал, водой отливали, а ведь живем, да хлеб жуем... Лучше, да советней нас нет. Ты на 5 лет что-ли венчалась? бога-то, матушка! О, господи, какие люди нынче пошли.

Он стоял перед ней, всплескивая длинными руками, качая головой. Марья не отвечала. Вразвадку, не торопясь, подошел Василий Павлович.

- А-а, Василий Павлович, полюбуйся вот, развод просит. Проучи-ка ее, обязательно проучи, - бросился к нему староста и, обернувшись снова к Марьи, продолжал, - да знаешь-ли ты, мила дочь, что мужик твой над телом волен, над душой он только неволен. А плоть твою он может убить и отвечать не будет. Лицо Василия Павловича стало медленно наливаться кровью, покраснела шея. Он учащенно задыхался, раздувая ноздри. Глаза стали страшными. Он шагнул к ней, нагнув голову и, схватив ее за волосы, резко дернул на землю. Закричал ребенок. Это окончательно взорвало Василия Павловича и он за волосы потащил ее по грязи домой. Сзади, на почтительном расстоянии, шла толпа любопытных.

- По жердям тащит...
- Устал уж сам-эт...
- Даже пот катится...
- Ребенка, ребенка-то бросила...
- Подобрать надо...
- Подбери... тебе Лукьянов-то...

УТ.

Темная, осенняя ночь. Хоть в глаз колыш - ничего не видно. Шумит резкий холодный ветер, вост в трубе. Дрежжат стекла небольшой Федькиной халупы на краю деревни, спрятавшей в густом, вискаем бурьяне. Федька вышел на улицу, обшел кругом избышки, заглянул в примазанной к избе пригон - никого нигде нет. Зашел обратно, крепко прихлопнув дверь. В избе темно. Огня из предосторожности не зажигали. Федька ощупью нашел стул, сел. В чуть светлевшем

проваде окна крупно чернела фигура Ивана Громова, рабочего-партизана, уцелевшего при разгроме своего отряда

- Никого нет, - обратился к нему Федька

- Ну вот и убежал я значит, и с неделю скитаюсь так, - закончил тот прерванный разговор

- Здесь, говорят, Морозовский отряд недалеко ходит, - к ним и пробираюсь. Наши наверное там, если кто уцелел. Ну, ладно, пошли. Значит выведешь меня?

- Ладно.

Вышли, чутко прислушиваясь к каждому шороху, зорко всматриваясь.

- Скоро светает... Поскорее бы.

- По деревне скоро, только увидят.

- Ладно пошли по деревне, все равно спят.

Осторожно двинулись. Федька впереди, Иван позади. Шли задом, по какому-то бесконечному бурьяну, сваленному навозу, перескакивали через плетни. Федька шел, ловко избегая все кочки и выбоины. Иван все зашпадова, падал. Вдруг Федька, насторожившись, застыл на месте, делая знак Ивану остановиться.

- Что?

- Кто-то шепчется.

- Но?

Прислушались - никого нет.

- Почудилось тебе.

- Может быть.

Пошли дальше. А за ними из-под плетня метнулись в деревню два темные силуэта, один мужской, другой женский.

УП.

Васька - старостин сын - молодой парень, зубоскал и забияка, сидел с Сонькой. Уже начинало светать. Сонька запросилась домой. И они, обнявшись, тихо переговариваясь, пошли. Вдруг, прямо на встречу им, через плетень перескочили двое, припадая к земле и часто оглядываясь, пошли к реке.

- Присядем здесь, - шепнул Васька, указывая на куст.

Двое, видимо, услышав шопот, остановились. Передний тихо что-то проговорил. Голос был знакомый, но чей - Васька не мог вспомнить. Двое постояли и двинулись дальше. Васька схватил Сонькину руку, молча показал рукой - бежим.

- Мы им сейчас дадим пить.

- Кто это? Один-то Федька, а другой?

- Помнишь, длинный с отрядом заводских-то приезжал? С флагом-то с красным? Которые моего отца-то убили Вот он.

УП.

Вышли за деревню.

- Присядем, расскажи подробно.

Если на холодную, промерзшую землю.

- Левее немного есть мост, там видишь? Осина

большая стоит, - указал он в темноту.

Иван пригнулся еще больше к земле. На горизонте стояло что-то большое черное.

- Это вон там?

- Ну да. Значит, как перейдешь мост, так по берегу влево и иди. Дорога версты через две к берегу подойдет. Она здесь крюком.

Из-за бани, метрах в тридцати от них, метнулись к реке несколько человек. Через плетень, по их следу перескочили еще люди, побежали прямо на них.

- За нами ведь это?

Они бросились в сторону, вдоль задов.

- Вот они, вот они, - закричали те, что перескочили через плетень.

- Видим, - отозвались от реки.

Иван еле успевал за Федькой, тяжело бухая сапогами по оледенелой земле. Их настигали. Явственно можно было различить тяжелое дыхание преследователей.

- Смотри, здесь канава, - предупредил Федька, перепрыгивая.

Но не успел он сказать, как что-то тяжелое с криком шлепнулось о землю. Оглянулся - заводской лежит поперек канавы. Его уже накрывали. Федька повернул к реке.

- Переход... а потом скинуть в реку, - вспомнил он.

Те, около заводского, остановились. Видимо, он еще сопротивлялся. А когда вспомнили о Федьке, он уже был далеко, метрах в пятидесяти. Перебежал по переходу, без труда поднял его - две перекинутых с берега на берег плахи и бросил в речку. Те еще только спускались с берега.

- Прощайте, крикнул он насмешливо, рысью уходя в кусты.

- Не уйдешь ты-то, поймаем, - донеслось с берега. Федька внимательно всмотрелся - никто не переплывает. В деревню ждут... Только парня жалко, - подумал он.

IX.

Федьки нет. Как скучно! Дорго бы дала она, чтоб посидеть с ним, поговорить. Ох, и обняла же бы его крепко, крепко... Только кости бы захрустели.

Она перед печкой чистила картошку. Было еще темно. Начинался рассвет. Огонь в печке еще слабый, небольшими красными язычками лизал бересту на дровах, оставляя за собой черные полосы, слабо отражался на полузамерзшем окне перед печкой.

Тишина нарушалась лишь легким потрескиванием дров в печке, хрустом картошки под ножом, да тоненьким посапыванием спящего Василия Павловича. В избе стоял полумрак. Огонь, все усиливаясь, вырывал из темноты задумчивое, склоненное над ведром лицо Марьи, полку над окном с ведрами и горшками.

- Где он сейчас? Может сидит в поле, под стогом или в лесу в избушке где-нибудь. Кто знает? Убежал тогда и неизвестно где. И чего людям надо? Стреляют, убивают друг друга, охотятся друг за другом, как за зверями. Жили же спокойно. И Федька хоть и бедный, а жил же, не умирал. А сейчас где-нибудь убит поди, совсем не живет, ни хорошо, ни плохо. О, Господи, - она задумчиво уставилась на огонь, положив руки на край ведра.

- Может раненый где лежит, ему помочь надо и некому. может пить хочет, есть... Мне-то хорошо здесь, тепло, сытно... а ему бедняжке... - она смотрела на огонь, но не видела его. Перед ее глазами развевалась картина: утро... светает. Суровая и неприглядная осенняя степь. Кое-где по низинам белеет рано выпавший снег. Холодный, резкий ветер свистит в голых прутьях редких кустиков. На твердой, застывшей земле лежит Федька. Ноги завязаны грязной тряпкой, из-под нее сочится кровь, теплая, дымящаяся. Он упирается коченеющими руками в мерзлую землю, пытается встать, но сил уже нет; и он падает в изнеможении, больно ударяется затылком. Ему холодно. Он слабым голосом зовет ее, Марью. Но никто не идет к нему, никто его не слышит. Его голос теряется в суровой ночной, морозной степи. Он умирает. Все так же свистит и воет ветер, все так же мигают далекие и холодные звезды, все так же белеет снег по догам, в низких местах.

Глаза Марьи подернулись слезами, она не мигая упорно смотрела на огонь. Мигнула - и крупная слеза, не задев щеку, со звоном упала в ведро. Какой-то комок подкатился к горлу. Растопилась печка. Стало жарко. Она вспомнила о картошке и принялась чистить. Заворочался Василий Павлович. Встал, крихтя, громко просмаркиваясь, лохматый, рыжий, с всклокоченными волосами, в грязной рубахе с растянутым воротом и, позевывая, подошел в ней. Прищуриваясь, заглянул на огонь, подняв рубаху, повернулся спиной к печке, сел на шесток.

- Ах, как греет, - удовлетворенно заговорил он, - ты чего долго? Ставь скорей, чего-нибудь свари, да я поохотюсь пойду сегодня.

- Сейчас картошку приставлю, - стараясь не показать слезы, спокойно ответила Марья.

- А я, Марьюшка, сон плохой видел. Будто иду я ночью по тропинке в лесу, а лес шумит, лес шумит, прямо страсть как. Темно, хоть глаза выколи. Вдруг, как засвистит кто-то сбоку. Глянул, а там шкилет идет, в больнице-то который у окна стоит, видела? Ну, вот он. Идет, значит, и руками машет. "Постой" кричит мне. Я так и обмер. А он подошел, потрепал меня по щеке, да как захохочет на весь лес, а скулы так щелкают, так и щелкают. Потом голова оторвалась, да лезет целоваться. "Ведь мы братья, братья с тобой" - говорит. Оттолкнулся я, да и бежать. А снег глубокий, проваливаюсь, ноги чижалы, никак не могу вытащить. Бегу, бегу, а сам все на месте. Закричать хочу и не могу. А он навалился на меня и шепчет в ухо:

"Ведь мы братья, братья, посмотри - ты такой же, как и я". Глянул я на свои руки, а на них мяса то нет. Одни кости белеют. Тут я и проснулся. Аж пот прошиб.

- К худу это...
- Но, чего поди.
- Смотри...

Х.

Темнело. Разыгрался ветер. Жутко одной в темной избе. Василий как с утра ушел, так еще и не приходил. Ветер разногородско завывает в трубе. Дребезжат стекла. Шумит за избой. То притихнет, то опять налетит, даже стены задрожат. Подошла к окну - темень, ничего не видно. В зыбке заплакал ребенок. Марья покачала его, заскрипел шест, на котором висела зыбка.

- А-а-а, - баюкала она.

Вдруг, у крыльца завяла собака надрывно и долго, с короткими перерывами. Как кто за сердце поймал Марью. Она остановилась, застыла на месте. Опять заплакал ребенок. Она качнула его, скрипнул шест. А собака все выла и выла. Начиная с низких нот и, забирая все выше и выше; пока не перехватит в горле. Леденящим, сковывающим тело ужасом веяло от этого неумолкавшего, зловещего воя.

- О, господи Иисусе, - пробормотала Марья, садясь на лавку и подбирая ноги. В избе темно. Кажется будто черный кто-то сидит в углу на лавке. Марья взгляделась сидит. Бросила какую-то тряпку - мелькнули два синих огонька. Кошка! Отлегло от сердца. Шумит ветер, воет собака. Кто-то тихо постучал в дверь.

- Может почудилось?

Нет. Постучали. Настойчивей.

- Кто там?

- Я, Марьюшка, открой.

Голос женский, знакомый.

- Авдотья, ты?

- Я.

Открыла. Вошла солдатка Авдотья, подружка Марьи. Еще в девченках вместе бегали.

- Ты одна?

- Одна.

- Мужик где?

- Утром на охоту ушел, да и все-та нет.

- Придет.

- Боясь чего-то. Весь день сердце как водой мочет. Как бы худа не было.

- Жалко?

- А как же. Плохой-ли, хороший-ли, да мужик. Венчаны вить были.

- А Федька?

- А чего Федька? Против бога не пойдешь.

- Верно...

Замолчали.

- Ты дай мне муку, да я пойду, квашню растворить надо.

- Посиди. Я боюсь одна.

- Мой брат вчера Федьку видел.
- Федьку? Где?
- У Большова Лого. Топор ему отдал. Хлеба полбулки.
- Пришел, - я бы спрятала.
- Жалко?
- Жалко.
- Убьет тебя Василий - то...
- Как-нибудь... Привыкла уж.
- Сейчас, однако, не обьет?
- Пока Федьки - то нет.
- Любитить он тебя?
- Кто? Федька?
- Нет, мужик - то.
- А-а, не знаю, наверно.
- Дуняшку просил, чтоб тебя от Федьки отладила, муку давал, деньги.
- Да уж лучше бы... Сама хотела. Замужная ведь... Замолчали, думая об одном.

XI.

Вот уже прошла ночь. Василия все нет. Чего с ним? Марья рано разбудилась и сейчас лежала, прислушиваясь.

- Скоро ли придет?

Уже начали светлеть окна.

- Светает, вставать пора.

Сбросила одеяло. Потянулась, любуясь своим сильным и полным телом. Опустили ноги с кровати. Крашеный, промерзший пол неприятно ожег ноги. Холод схватил полуголое тело. Она зябко поведла плечами.

- Полежу, еще рано...

Легла снова, закрывшись одеялом, повернулась на бок, подперла голову рукой и лежала, ни о чем не думая.

Скрипнули ворота.

- Пришел.

Она ждала привычного посмаркивания у двери. Заскрипели полозья.

- Кто-то на коне. Не он.

В дверь постучали.

- Кто там?

- Я, - ответил глухой, старческий голос.

- Маменька!

В избу вошла старушка, закутанная в шаль, еще бодрая и прямая.

- Добро живешь, - раскутывая шаль, заговорила она.

- Милости просим, чего-то не едите оба сына проведать. Забросили нас.

XII.

Уже рассветало. Василия все не было. Марья встревожилась не на шутку. Сердце, как водой моет.

- Что с ним?

Она стояла на крыше, смядывала сено. То и дело останавливалась, подолгу смотрела в степь, на дорогу. Сыпал густой снег. Никого не было видно.

- Марья, - тихо позвал знакомый голос снизу из стайки.

Виды выпали из рук Марьи.

- Он! Он! - радостно спускалась с крыши, - Федя!

Они обнялись. Она схватила его за голову, пригнула и в упоении впиалась губами в лоб, в щеку, в губы. Отрывались, восхищенно смотрели друг на друга и опять прижимались.

- Никуда я тебя не пушу, соколик ты мой, - шептала она, - спрячу, никто не узнает. Василий в подполье не ходит.

- Вас..., - внезапно прервал себя на полслове Федька.

- Ты чего, Федя? - екнуло сразу внутри у Марьи.

- Я...я так...ничего, - замялся он.

Она подозрительно посмотрела на него.

- Ну, скажи, Федя.

- Мы там... с Василием встретились... Ну, и это...

Он хотел меня подстрелить, да не успел перезарядить...

Ну, и...я ударил... по голове...

Марья стояла ошелощенная. С широко раскрытыми глазами, не своя взгляда с него, она бессильно опустилась на навозную кучу.

- Убил... Федичка... Вася...

Он бросился к ней.

- Что ты, Марья?

- Убил... тихо, ни к кому не обращаясь, сказала

Марья.

У крыльца раздались грубые мужские голоса.

Федька посмотрел в щель, в развальнях лежал скрюченный человек, подняв левую руку кверху. С крыльца быстро, не по летам, спускалась мать Василия. Три мужика стояли у развальней.

- Васенька! Ух! Васенька! - кричала мать.

Марья быстро обернулась и, взглянув в щель, вдруг вскрикнула:

- Вася!

- Тихе, тихе услышат, - схватил ее Федька, Марья!

Она рванулась, он снова поймал ее.

- Пусти, Феденька! к нему мне... Ох! Вася!

- Куда ты, Марья? - он схватил ее в охапку.

Она укусила руку. От неожиданности и боли он выпустил ее.

- Ах, ты... да Марья же... куда? - вдруг отчаянным шепотом бросил он.

Марья бросилась к воротам.

- Да стой-же! Предашь?, - Не помня себя, выхватил он тепор и вдруг ударил ее по голове.

Она покатилась, расставив в стороны руки и неуклюже повалилась на пол. Федька далеко в сторону отбросил тепор и в задний проем стены, по огородам побежал к реке.

В просторной избе Лукьяновых, в переднем углу, на столе стояли два новеньких, пахнувших смолой, гроба.

Марья лежала с перекошенным, уродливо раздвоившимся лицом, разрубленным от правого глаза, через нос, до левой щеки. На левом полузакрытом глазе лежал пятак. У Василия Павловича круглая бородка, оттененная сине-желтым цветом лица, казалась еще более красной. Из-под тряпки, которой связали разрубленную голову, выходила длинная рана, по краям коричневая. Рваная кожа неприятно торшилась кверху. Ее заделывали в рану, она упорно вылезала. В избе говорили вполголоса, словно боялись разбудить покойников, опасливо на них поглядывая. Осторожно покашливали в кулак. Мать стояла у ног покойников с красными, сухими глазами, упрямо смотрела на сына. Вдоль по лавкам сидели люди, изредка перебрасываясь шепотом.

- Федьку в той избешке видели, у которой Василий Павловича нашли.

- В избешке то тулуп Федькин был...

- А ружье Василия Павлыча в стайке, рядом с Марьей Ивановной лежало.

- И топор там, в кровле весь....

- Федькина эта работа...

- Его, его тут и говорить нечего.

- Вот подлец!

XIV.

Прошла ночь. Федька, оборванный и голодный, оцепеневший от горя, ничего не замечая, сидел на снегу у большой расщелины сосны. Было тепло.

- Убил! За что я ее убил! Разве бы она предала меня? Нет, нет! Чорт испугал. Что она мне плохого сделала? Васька и то венчанный был. Эх! Моря! Не посмотреть ли на тебя? Не сходить ли? Нет, нет! Там увидят. Убьют.

XV.

Мать вот уже полдня стояла все в том же положении, облокотившись на притолоку окна. Вдруг она резко отскочила, в ужасе расставив руки.

- Федька! Федька!

Люди бросились в ней. Не помешалась ли старуха?

Вдруг женщина у другого окна закричала, что есть силы:

- Федька! Федька! Вон от окна побежал.

Мужики выскочили на крыльцо. Федька был уже в улице.

- Лови его!

- Окружай!

На встречу Федьки, изо всех домов выбегали люди. Он попал в окружение. Как загнанный волк, дохматый и страшный, подогнув голову, он остановился, поджидая преследователей. Те, видя, что он попал и что ему некуда бежать, подходили

осторожно, спасливо оглядывая его, нет ли чего с ним. Федька стоял без оружия. Кольцо сжималось. Шагов за десять разом налетели, подмяли. Закружился челочеческий клубок. Воздух разрезала матерная мужицкая брань. Вили остервенело. Каждый старался ударить в лицо. А когда отошли - на снегу остался лежать неподвижный изуродованный Федька. Из рта, носа, ушей тоненькими струйками стекала кровь. Снег под Федькой покраснел и подтаял.

Мужики внимательно осматривали себя, бросая косые, не то испуганные, не то удивленные взгляды на Федьку, как бы спрашивая:

- Как же это получилось?

Баллада

О шофёре

Был самый прекрасный лазоревый май
Тайфуны не трогали шхуны,
Но был неспокоен огромный Шанхай,
Иные в нем бились тайфуны.

По улочкам узким, где дети да сны
Дробили шаги японцы
И дети бежали от флага страны
Раскосого злого солнца.

Шел с Желтого моря промозглый туман,
Всёсасался в сумятицу улиц...
А в старом Наньдао дрожали дома,
Визжали японские пули.

В предместьи поднялось на стачку депо.

Японцы стояли в вокзале.

К рабочим примчал броневик и в упор

Их возле депо расстреляли.

Небо над площадью было синей
Курток из синей дабы,
Площадь гудела у самых дверей
Второго японского штаба.

Окна сверкают, как стекла очков,

Флаг над стеклом вестибюля

И часовые с ножами штыков

Застыли на карауле.

Дверь распахнулась. Луч заиграл

В золоте позументов

Вышел японец, как адмирал,

Маленький и надменный.

Японец пылинку с мундира стер,

Молча кивнул на машину.

Ничем неприметный китайский шофер

Сидел за рулем лимузина.

Презрительно кинул: "В главный штаб

Повезешь меня поскорее.

Знаешь, там, у большого моста,

Да ты отвечать не умеешь?"

Молча шофер на него взглянул,

Очки на глаза надвинул,

Дверцу машины распахнул

И пригласил господина.

Площадь рванулась, пошла кругом,

В стекла ударил ветер,

Где-то сквозь стекла и дикий разгон

Выстрелы били плетью.

Улиц видался сплошной лабиринт

Прямо под яркие фары

Мчался, как раненый зверь, лимузин

В выстрелы, в бури, в пожары.

Казалось, шофер в машину врос

Привычны руки, поворотны,

А сзади, где зеркал и кресел лоск,

Японец сидел с блок-нотом.

И снова бежала куда-то толпа
Под дробным солдатским шагом,
И снова ветер приморский трепал
Широким японским флагом.

Гудела машина, и думал шофер,
Что где-то под самым Шанхаем
Сражаются, гибнут, готовят отпор,
Родную страну защищая.

И море плескалось в глазах у шофера
Он видел свободный китайский народ.
Вдали промелькнул сигнал светофора
К железному мосту крутой поворот.

Но что же он медлит? Смертельный испуг...

Мост грузный в глазах повернулся
С высокой стены в глубину Янцзыпу

Авто в мертвой петле метнулся.

Гремели гулко снаряды вдали,

Сиреневый вечер спускался,

Так умер герой витаской земли

И люди лишь песню сложить смогли,

Не зная, как он назывался.

Яблоня

ЦВЕТЕТ.

Рассказ.

Вечер. Из темных низкоплывущих туч вот-вот польется дождь. Хмурый сосновый бор кольцом охватил небольшое село. Стали зажигаться огни. Сначала у церкви, потом на краю села в белом большом доме и после загорелся у реки в наклонившемся набор домике. В нем посреди комнаты стоял высокий с серьезным взглядом мужчина и смотрел на вынутый из кармана синий пакет. Мимо окна промелькнуло четыре фигуры. Федор вздрогнул и испуганно посмотрел на стоявшую перед ним жену. Она догадалась об опасности и быстрым движением взяла из его рук синий пакет и опустила в узкую щель пола.

В дверь забарабанили сразу несколько рук.

- Открывай! - послышался громкий мужской голос.

Трое испуганных детей завизжали на разные голоса.

- Открывай говорю! - еще сильнее раздался тот же голос.

Послышался треск. Дверь, сорванная с петель, ударилась о крыльцо и офицер с тремя солдатами вломился в хату.

- Ты Федор Бобылин? - спрашивал низкий, толстый с красным лицом офицер.

- Я.

- Это ты, подлец, сбежал из армии под Спасском? Ведь я тебя помню.

Офицер сделал шаг и стал перед Федором.

- Ну говори: почему сбежал?

Лицо Федора стало мрачным.

- Не захотел ради чьей-то выгоды убивать таких же, как и я.

В ярость пришел офицер от этих слов.

- Не захотел? - заскрежетал он зубами, - так на тебе! На!

Взрыв детских голосов заполнил комнату. Десятилетний Володя подбежал к офицеру крича: „за что ты бьешь...“ но не успел он договорить этого слова, как офицер каблуком сапога ударил его в грудь. Бледный мальчик головой ударился о печь и повалился на пол. Федор с бешенством кинулся на офицера, но стоявшие трое сол-

дат схватили Федора и связали ему руки.

- А ты чего? - подошел офицер к жене Федора, небрежно ударяя ее по плечу.

- Где пакет?

- Какой?

- Партизаны!... Говори, а не притворяйся, а то вот. Он показал на резиновую плетку, которую держал в правой руке.

- Не знаю.

- Ну, быстро! Где то письмо, которое хотел нести твой муж в город, чтоб предупредить о вступлении туда белых.

- Не знаю.

- Врешь, все знаешь!

Над головой Марии взвилась тяжелая резиновая плетка и со страшной силой ударила ее по лицу. Она зашаталась и стала падать, когда офицер снова, но еще с большей силой ударил ее по голове. Два мальчика и девочка бросились к матери, но офицер оттолкнул их.

Мария лежала на полу с вытянутой правой рукой, которая закрывала щель пола.

- Чего, как христос, растянулась?

Он хотел отодвинуть ее руку, но этого ему не удалось: рука Марии будто приросла к полу. Тогда он сапогом ударил ей в ребра, а двоим солдатам показал на Федора: - Взять его!

Дети хотели подбежать к отцу, но их оттолкнули солдаты. Мария попыталась подняться и не могла: страшная боль колотила все тело. Федора увели, а в глухую полночь умерла Мария.

С помощью соседей мать похоронили на другой день, а вечером этого же дня от отца получили письмо. Ему были очень рады, надежда на возвращение отца осенила их. Письмо читал самый старший из них Володя. Оно было адресовано матери:

"Дорогая Мария, сегодня вечером я приговоре и военно-полевым судом к расстрелу. Завтра меня наверное , но я не боюсь. Я знаю, что скоро все равно побьют эту белую сволочь. Мне жалко только детей и тебя. Знаю, что вам будет трудно, особенно первое время, но скоро вы увидите новую, счастливую жизнь, за которую можно и умереть. Прощайте дорогие дети. Ваш отец Федор. 10 апреля 1919 года".

Товарищи Федора рассказывали сельчанам, что перед расстрелом он вел себя необычайно мужественно. Незадолго перед смертью он крикнул своим товарищам, чтоб на его могиле не ставили крест. Федор был похоронен на краю соснового бора, у реки в заброшенном саду. Его товарищи на могиле вместо креста посадили яблоню. Дерево скоро поднялось, раскинулось, зацвело.

2.

Теплый июньский день. Колхозники Семеновки сегодня отдыхают. С самого утра весело заливались в селе гармони, раздавались песни, а по зеленым улицам катались на велосипедах. Все одевали лучшие платья и шли на площадь, к цветущему белому саду. Здесь сегодня соревнования. Тысячная разноцветная

толпа разделилась на две части и с любопытством смотрела на стоявших между ними пять человек. Четверо крепких ребят в трусах и майках подошли к старту. Около них, на бугорке стоял мужчина в белой рубашке с вьющимися темными волосами. Это был Александр Бобылин, студент Пединститута, проводивший в Семеновке свои летние каникулы. В селе впервые появились волейбольные площадки, турниры, катаны, работают два стрелковых кружка - все это создано по инициативе этого энергичного, веселого человека. Полюбила за это Александра в селе молодежь, полюбили и все колхозники. И вот сейчас они с гордостью смотрели на поднятую руку Александра и ждали его слов.

- Товарищи, начал он, обращаясь ко всем стоявшим, - свой выходной день мы начнем соревнованиями. Сейчас бегут на шестьсот метров пять наших физкультурников /он назвал их имена и фамилии/.

Радостными криками ответила живая толпа. И когда рука Александра махнула вниз третий раз - пятеро молодых ребят сорвались с места и стремительно пустились по зеленому лугу.

Вот они уже подбегают к белой двухэтажной школе, завернули за сельский клуб и выбежали к реке на прямую дорогу. Смотревшие не спускали глаз со всех пятерых. Расстояние между первым и последним было небольшое. До финиша оставалось метров сто, когда второй рывком опередил впереди идущего и финишировал первым. Это был сельский тракторист Алексей Веснов. Вскоре тысячная толпа разделилась на несколько групп. Одни смотрели, как играли в волейбол, другие потешались, глядя, как на высоком бревне сидели двое мужчин и мешками, набитыми селомой, били один другого, стараясь сбить друг друга на землю. А в это время на берегу реки происходило следующее:

По пояс в воде стояли девять загорелых ребят и ждали команду. Поднялась третий раз рука того же Александра и вот уже прошла половину пути, как на берегу раздался резкий голос:

- Стой!

Все повернулись в ту сторону, откуда раздался этот крик.

- Стой! - говорил бойкий, крепкий молодой мужчина лет двадцати пяти. Это был опоздавший председатель Колхоза - Алексей Федорович Бобылин. Он подбежал к берегу, мигом сбросил белье и прыгнул в воду. Колхозники с радостью смотрели на своего молодого председателя. Они не хотели, чтобы его опередили эти отважные ребята. Это думал сейчас каждый.

- Алексей Федрич, не подкачайте! - смеясь говорил дед Васильев. Председатель мотнул только головой.

- ТРИ! раздалась команда и все десять человек поплыли по течению неширокой реки. Плыли по разному,

брызгаясь и перегоняя друг друга.

Черноволосая голова председателя была от заду третья. По берегу бежали колхозники и криками ободряли плывущих. До конца оставалось метров сто, когда его обогнал второй от заду. Бобылин перевернулся на спину и одновременно толчками рук и ног быстро стал продвигаться вперед. Вот он обогнал уже одного, другого, третьего... А с берега ему кричали:

- Молодец Алексей! Еще, еще немного!

Теперь перед ним был только один, совсем близко. Казалось один сильный толчок и можно рукой достать до этого смеющегося беловолосого парня.

- Догнать, догнать, - думал Бобылин и вот он уже поравнялся.

- Алексей! Алексей! - кричали с берега.

Парень, увидев рядом с собой председателя, снова выдвинулся вперед. Алексей стал отставать, а до финиша оставалось метров тридцать. Тогда он снова повернулся вверх лицом и снова плыл рядом. А вот и обогнал! Но парень снова проскользнул вперед. Алексей снова поравнялся, а красная палочка, конечная точка, была почти уже рядом. И теперь впереди то голова одного, то другого, то одного, то другого.

- Алексей! - громче всех закричал дед Васильев, а в это время черная голова первая проскользнула мимо условного знака.

- Ура председателю! - кричали колхозники. И не успел он отдышаться, как оказался в руках колхозников, которые с тем же криком ура подбрасывали его вверх.

- Брат, брат! - кричала подбегающая молодая восемнадцатилетняя девушка, - поздравляю с первенством! - говорила она, пожимая руку председателя. - А моя вся груша из десяти девушек сейчас сдала на ворошиловского стрелка первой ступени, запыхаясь сообщила она о своем успехе.

Все трое смеялись, шутили, были довольны, веселы, уже шагая по зеленому лугу.

- "Ну, как не запеть в молодежной стране!" - дружно запела рядом идущая группа молодежи.

- Алексей Федорович! Саша, Валя, - споемте с нами, - приглашали колхозники своих почетных людей.

И три молодых звонких голоса быстро влились в общий хор. Песня сделалась еще живее, трогательнее. Каждый старался как можно лучше, полнее излить свою радость хорошего сегодня и еще лучшего завтра.

Вот потому и хотелось повторять чаще замечательные слова песни:

"Живем мы весело сегодня, а завтра будет веселей".

Вечерело. Парами и небольшими группами ходили колхозники по темнеющей площади, а теплый, ласковый ветер с цветущих яблонь колхозного сада разносил душистый аромат.

- Вот и наш сад, - говорил молодой председатель сестре и брату, открывая деревянную дверку.

Со дня их приезда часто ему хотелось привести их в этот цветущий сад и показать... и вот случай представился.

Они шли по узкой тропе, задевая за белые лепестки яблонь. Вдруг Алексей Федорович остановился перед кудрявой яблоней и низко наклонил голову. Валя и Александр испуганно переглянулись.

- Что здесь? - спросил он брата.

Но брат молчал. Их охватила гнетущая тревога. Они посмотрели на своего брата и на его щеках увидели две крупные слезы.

- Алеша, что здесь? - еще раз тихо спросила сестра. Ответ был не сразу.

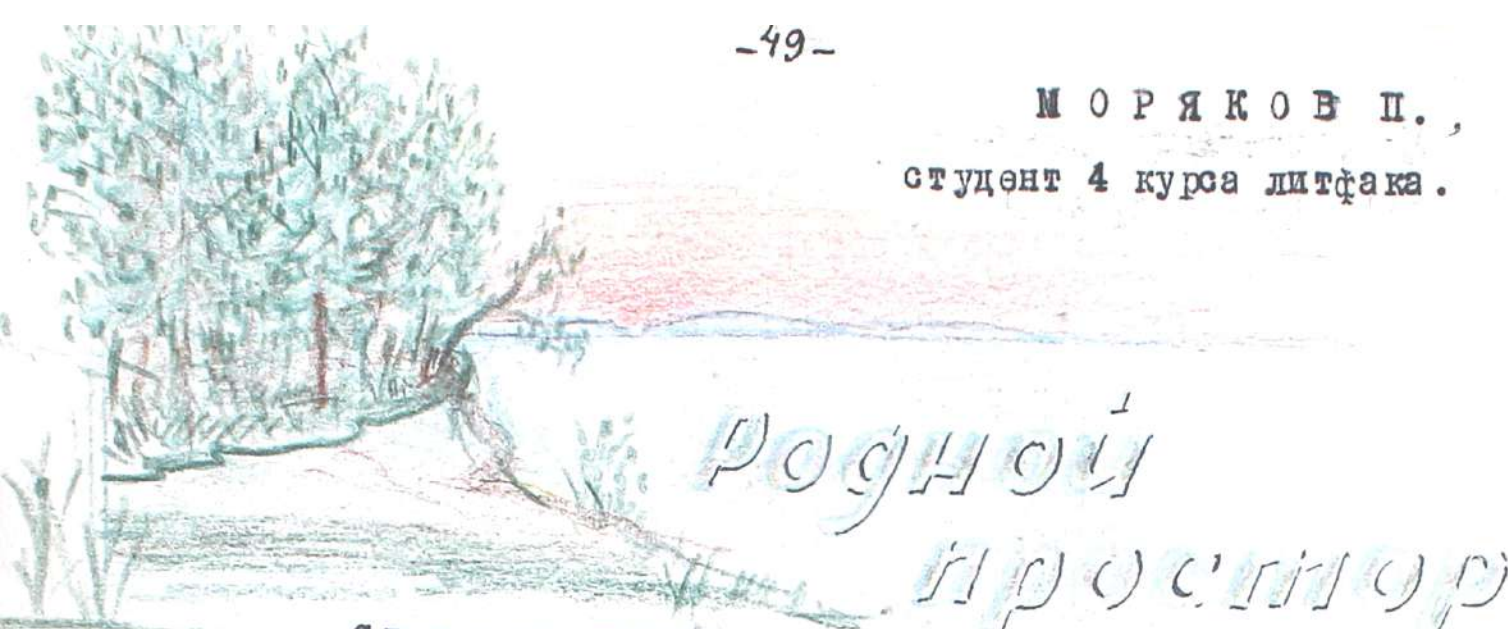
- Здесь убит... и похоронен наш отец.

С подмигиванием молчали все трое и молча смотрели в землю.

Рядом в тихом бору девичьи голоса запели под гармонь песню. К ним присоединился сильный задорный мальчишечий голос. Песня приближалась.

Все трое медленно подняли головы и долго смотрели прямо перед собой на пышную расцветающую яблоню.

М О Р Я К О В П.,
студент 4 курса литфака.

Родной

простор

Стою я на крутом,
Высоком косогоре.
Над головой поднялся гордо бор
И прямо от меня,
Как голубое море,
Во все края шарахнулся простор.

Какая ширь!

Аж сердце замирает!

Я вновь пришел сюда издалека,

И мне приятно,

Что меня ласкает

Степного ветра нежная рука.

О, сколько раз

На ветренные кручи

Я забирался в детские года

И ширь родную

За ее размах могучий

Я полюбил глубоко, навсегда.

Ну, как не полюбить

Размах ширококрылый,

Ну, как я песнь ему не пропою,

Когда своей

Величественной силой

Походит он на родину мою.

И этот небосклон голубокий,
Что наклонился нежно надо мной,
Горит такой же радостью глубокой,
Как жизнь в стране,
Любимой и родной.

О, сколько б отдал я,
Чтоб дорогие дали
Не застигла черная гроза!
И чтоб никогда,
О, никогда б не грохотали
В моей стране орудийголосо!

В ит. МОРОЧНЫХ,
студент 2 курса литфака.

Эстиморет

Рассказ.

Над маленькими, узкими улицами деревянной малорослой окраины в глубоким небе золотым пожаром восходило солнце. Изредка звякнет кольцо калитки или навстречу проплывет румяная, заспанная женщина, неся в полных ведрах отражение солнца. А улицы, выходящие к белому, большому зданию, которое поднималось над еще голыми деревьями роши и низкими домами, уже ожили в торопливом стуке шагов, в говоре и смехе, в хрусте ледка. Пробегали торопливые стайки парней и девушек, жмурящих глаза от яркого света и ежащихся от прохлады морозного утра.

Вот в маленькой пролетке, дребежащей по замерзлой, неровной дороге протрясая сгорбленный, худенький профессор Мухин. И студенты, шедшие по тротуару заторопились, зная, что за всю свою многолетнюю работу в Институте он еще ни разу не опоздал.

Много - много лет назад, когда ему было только 26 лет, он стал профессором. Он решил серию уравнений, над которыми когда-то бесплодно бились Ньютон и Лаплас. А до этого знали лишь, что он - высоченный, загорелый юноша с энергичным, худощавым лицом, от которого веяло силой и уверенностью, по воскресеньям уходил далеко вверх по реке в лодке, окрыленной парусом и что он с детства купается пока не станет река. Ему дали командировку за границу, вернувшись он защитил диссертацию и с тех пор он каждый день от своей квартиры совершал путь в Институт.

Когда-то по этим улицам он проходил легко одетым, молодым и сильным. Незаметно подкралась старость. И он внешне стал так же стариться, как и эти осевшие дома и поносившиеся заборы, мимо которых он ходил каждый день. Но все также далеко за полночь из окна ме-зонина на узкую, глухую улицу сочился ласковый, спокойный свет от зеленого абажура лампы. На столе в

беспорядке лежали книги, чистая и исписанная бумага, он ходил по комнате большими, задумчивыми шагами и, казалось, глубоко запавшие, темные, глаза казалось глядели куда-то во внутрь. Изредка он подходил к столу и размашистыми буквами и цифрами порывисто исписывал страницы.

Были годы, когда стены квартиры сотрясали оружейные выстрелы, на далеких и близких просторах земли умирали и истекали кровью люди, а он сидел за столом, погруженный в какие-то неведомые, доступные ему миры, корку хлеба заливал водой и опять работал. Так проходили годы, давя его к земле, он ссутулился, весь как будто высох сожженный жаром, что столько лет полыхал в нем. Побелела лысеющая голова. Но старость коснулась только волос и тела, а глаза были так же внимательны и полны неведомой, странной глубины.

И из этого глухого города, затерянного в тайге, часто забываемого на картах звучал по земле его взволнованный убедительный голос. Его исследования уважались учеными всего мира. Он был один из славных строителей великого моста, шагнувшего в будущее.

Теперь он совсем одрях. Его возили в Институт. У раздевалки его встречали студенты, снимали с него старенькую шубу, глубокие галоши и поддерживая под руки провозжали его в аудиторию. В пролетах больших лестниц он долго не мог отдышаться. В коридорах теснящаяся, шумная молодежь расступалась перед ним и провозжала почтительными взглядами его медленно продвигающуюся высокую фигуру. Но он продолжал работать побеждая свое слабое, старое тело. Все также никогда не опаздывал и даже в сильные морозы в холодный вестибюль, окутанный морозным туманом, ворвавшимся в открытые двери, он приходил высокий, нескладный на трясущихся ногах, завязанный теплым шарфом до замидивелых глаз.

Сегодня он кончил большую работу, которой он сделал открытие. После многолетнего труда все было понятно ему. Но очень долго он никак не мог найти ясного, простого выражения открытому явлению. Что-то пугалось, не находил себе места в формуле. Сегодня ночью он заснул за столом, положив усталую голову на худые руки. И вот во сне перед ним явилась формула со всеми членами на своих местах, явилась ярко и ясно. Его будто толкнуло. И он еще не успев очнуться от сна на какой то бумаженке записал формулу, а в окно уже сочился рассвет.

Работа была закончена.

И сегодня с кафедры, поднимавшейся над столами, за которыми сидела ясноглазая, здоровая молодежь, он рассказал о своем открытии. И старости будто не было, когда он сел за кафедру, когда встретил ждущие, молодые взгляды. И ему казалось, что он тоже моложе, твердел голос, загорались глаза. В большие окна, за которыми уже исчезли мухи, в аудиторию зрелись веселые, солнечные потоки.

Под его диктовку на доске писал угловатый, темный паренек со шрамом на виске. Он торопливо писал,

кроша мел на толстые, неповоротливые пальцы, на рукав. Лицо парня со сдвинутыми бровями было серьезно. Часто в глазах вспыхивало понимание, они становились еще внимательнее, а его лицо озаряла широкая, детская улыбка. Часто, пристальный взгляд профессора заставлял его краснеть. А старик думал, что этот студент с мужицким, простым лицом недавно на вечере - встрече старых студентов с новыми рассказывал о себе. И он пристально с уважением разглядывал его. А рука, что несколько лет назад саблей наносила врагам страшные, смертельные удары сейчас на этой черной доске выводила его формулу, писала его мысли и они принимали какое то большое, живое значение.

Прозвенел звонок.

Он не вышел - так и остался за кафедрой, подперев голову слабенькой, прозрачной рукой. Открыли окно - пахло свежим, душистым весенним воздухом. Аудитория быстро опустела - все выбежали в сад. У окна остались лишь двое - их руки встретились, когда они открывали створку. Так они и остались, покоренные какой-то вспыхнувшей в них силой, каким-то очарованием. Будто лишь для них моледел за окном мир, по весеннему улыбалось небо. Они стояли на пороге своей 18-й весны, когда каждый день нов и полон прелести. По земле прошло множество поколений, а на деревья опять возвращалась листва, в который раз обещающая и тая какую-то ласку и надежду. Ветер ласкал их волосы, нежил, что-то огромное, расцветающее в них, а их широко открытые глаза отражали друг друга.

Он сидел за кафедрой, опустив голову, седая грива и борода серебром пролились на плечи и грудь. Он не мешал им, лишь в его старчески выцветших глазах под лохматыми, нависшими бровями засветилось что-то теплое и близкое. Может он вспомнил как много лет назад, когда была все такая же радостная и могучая весна он так же стоял у окна, его щеки касались чьи то мягкие, душистые волосы, зажигая кожу огнем молодой крови и вот так же был близок чей-то милый, тонкий, девичий профиль.

Этой весной Мухин умер. Умер тихо, будто заснул за своей кафедрой. Он покинул этот необъятный, солнечный мир не смутив ненужным стоном его весенней, нежной тишины.

Этой же весной в один из выходных дней были организованы городские физкультурные соревнования. Проводилась большая эстафета, она пересекала город и проходила по его окрестностям.

Один пост эстафеты был у реки. Город вырисовывался вдали, за полем. Внизу под глинистым обрывом в зеленых зарослях берегов текла веселая, изредка вспыхивающая солнцем река. На той стороне на лугах пламенели огоньки. В одном месте обрыв выступом нависал над рекой, на его вершине лежала большая, каменная глыба и росла одинокая с обломанными ветвями и лишь с зеленой макушкой сосна. У края сбыва был воткнут красный флаг. Около него в густой, молодой

траве лежала, раскинувшись смуглая девушка в короткой юбке и майке. Она закрыла глаза красной косынкой и наслаждалась теплом, сочащимся в тело. Близко от нее сидели два парня в трусинах, на майках которых были нашиты номера.

Вот они вскочили и закрыв от солнца ладонью глаза стали всматриваться в поле. Привстала и девушка.

От города по узкой тропинке, через поле сюда бежали двое. Девушка вскрикнула узнав переднего:

- Ленька?

- Ну еще бы, Леньку-то ты узнаешь, - усмехнулся один из парней и все они весело рассмеялись.

Бегущие были уже близко - слышался близящийся топот ног. Парни быстро встали у флага на старт. Впереди бежал большим упругим шагом высокий, белокурый парень. Вот он уже у флага, один из стоящих принял у него эстафету и легко касаясь ногами земли помчался дальше. Скоро вслед за ним рванулся второй.

Ленька немного походил по обрыву медленно поднимая и опуская руки, переводя дыхание. Затем присел на траве рядом с девушкой. Его товарищ скинул майку и блестя потным, загорелым телом скользнул по обрыву вниз, подняв облако пыли и исчез в прибрежных кустах.

У Леньки все спокойней - медленней вздымалась грудь. Девушка густой веткой тополя отгоняла от него табунящуюся в воздухе мошкору. Наконец он поднялся. Держась за него упругим движением вскочила девушка. С реки на них дохнул свежий ветерок.

Вдруг Ленька заметил сосну и камень - лицо его затуманилось, глаза потемнели. Он подошел к ним и склонил вихрастую голову.

- Ты знаешь, - обратился он к девушке - ведь это могила Мухина. Он не захотел на кладбище, не пожелал ни креста, ни деревянного сердца...

И вдруг Леньке показалось, что смерти не было и нет, был простой камень каких много, на ветру звенела одинокая сосна, внизу катя ласковые волны пела река, отражая голубое небо с бегущими седыми облаками.

И вот парень как-то странно, будто про себя, улыбнулся:

- А ты знаешь мне сейчас показалось... Только не смейся. Я вспомнил тот его урок. Ведь это тоже была эстафета. Свои знания он принес нам, мы несем их дальше...

На краю обрыва стояли юноша и девушка. Ветер развевал юбку, путал волосы. Руки их встретились в крепком пожатии, и опять в который раз они вспомнили и сколько раз еще будут вспоминать, как тогда, в перемену, открывая окно, их руки неловко и неожиданно нашли друг друга.

Я иду по утреннему городу;
Влещет солнцем смесь воды и льда
И бодрит веселый ветер. Молодо
Восклицают где-то поезда.

Весело и радостно шагаю я,
Весело навстречу мне народ,
Утренний мороз легко встречаю я -
Кепка, майка и ботинки "скороход".
Будто не апрель, а лето красное,
Будто не вода вокруг - засуха.
На костюме мой глядя, вдруг ужасными
Делают глаза свои старухи.

Дескать - начал, парень, ты фасонить рано,
Ты, мол, парень очень не франти,
Чтоб не нахватался хвори-дряни
Лучше, дескать, ты в пальтишке походи...

Как же мне, коль у меня горенье
На сердце, таким вот франтом не ходить,
Если я хочу в свое сердцебиенье
Всех людей сердцебиенья слить,

Чтобы все, что люди чувствуют весной,
Знал, переживал единым сердцем я,
Чтоб весенних чувств несчетный рой
Воплотился в сердце у меня.

М А Н У С О В И Ч Д.,
студентка 2 курса литфака.

СНЕГДАД

Этюд.

Анка бросила циркуль и, расправляя уставшие плечи, потянулась. Тень ножек циркуля слилась с тенью ее закинутой головы, и Анка улыбнулась получившимся рогам. Улыбнулась — и сразу нахмурилась. Проект не удался. Она не находила в нем самого основного — своей мысли. Она смотрела чужими, посторонними глазами на черновики и еще яснее, чем когда либо, видела всю нестройность и обыкновенность своего проекта. Здание, как всякое здание. Оно могло бы служить и детям и взрослым. А нужно было создать детский дворец, детский мир, так, чтобы взглянув на него, нельзя было не улыбнуться, не порадоваться, не почувствовать молодости.

Она упрямо встряхнула головой и снова наклонилась над столиком.

Послышались медленные шаги — вот они сделались глуше, мягче — это отец переходил ковер ее комнаты, снова зашаркали туфли громко, совсем близко, и в дверях появился крепкий, высокий, с обвисшими седыми усами, старик. Шурясь от яркого электрического света, он, на ходу наливая трубку, подошел к ней.

— Ну, что Анка? А? Без десяти три, а еще не ложилась, — заговорил он, заполняя густыми звуками своего голоса ночную тишину комнаты. — Как-же, а? — Он положил широкую ладонь на ее тоненькую коричневую шею. Она погладила его руку и, не поднимая головы, пожаловалась:

— Плохо.

— Да ну? Ай-яй-яй-яй... — рука перешла к голове и потрепала мальчишечьи кудри ее затылка. — Это, Анка, хорошо, — уже серьезно сказал он — Хорошо, что твоя работа тебя не удовлетворяет. — Во-во! это и лови. Приблизься к своей работе, береги себя, требуй. Это уже шанс. Это уже выйдет, значит. Думай — думай. Не пугайся, что ничего не находится, что тебе не хватает там сейчас. Оно найдется, и ты его — раз! А тут уж работай, работай так, пока силы есть, насколько тебя хватит...

Он подошел к окну и, потянув за шнурок, поднял што-ру.

Синь зимней ночи трепетала, серебрясь мелкими падающими снежинками. Они искрились и переливались огнями в своем стремительном полете и, казалось, тонули в прямоугольнике света оконного луча на тротуаре. Маленькие, маленькие, игольчато острые, серебристые снежинки...

Отец зажег спичку, и мгновенно двумя злыми волчьими глазами отразилось ее пламя в окне. Он затаился и, выпустив кольцами серый, как его усы, дым, опять загудел:

- Снег... Люблю снежинки... Мальчишкой сорванцем был на месте не сидел, а вот на хлопья снега мог часами смотреть. - Попыхтел трубкой, и, обняв подошедшую Анку, продолжал медленно: - Снег любил, когда еще под стол пешком ходил, а снежинку разглядел впервые 20-ти лет, когда сюда ссыльным пошел... Нас, политических, под особым надзором гнали, в кандалах... Гм... Честь... А кругом одно - деревца, да белая даль. Падал снег... они оба серыми, похожими одни на другие глазами, проводили полет одной большой блестящей снежинки.

- Тяжело мне было... Страшно это тяжело бывает, Анка, в кандалах... Опустил голову, чтоб товарищам не показать тоску, не заразить их ею. Смотрю... на кандалы на руках упала снежинка. Одна. И задохнулся, Анка, от радости. Кандалы то черные и она была видна вся. Я дыханием боялся растать ее... Осторожно разглядывал... до мельчайших деталей. Тоненькая, тоненькая, граненая лединка. В виде звездочки этакой. А концы ее, сrostки, такие красивые и узоры эти, их окаймляют которые, такие нежные, точно... великий художник веками точил, точил эту, эту... ну, как бы сказать?.. ну, хрусталинку снега. Да, хрусталинку. Я оторваться не мог. Потом осторожно протянул руки соседу по ряду. Он весь так и встрепенулся... И весь отряд ловил снежинки. Так и шли с протянутыми руками, чтобы падали на черные кандалы, показывали друг другу и знаешь не чувствовали на руках тяжести цепей... А какие они все разные! И что-то одно в их разнообразии, что-то свежее, простое в них. И мы, словно помолодели все, подбодрились, Анка. Мы прошли в этот день свой путь совсем не уставшие... Вздораженные... Потому, что, Анка, красота их необыкновенная - юностью наших детей, юностью... будущего веяло от них. И сейчас вспоминаем о снежном походе. Да... Вот он сибирский снег...

Белый поток снежинок увеличился. И одна из них, трепеща, опустилась на оконный термометр.

Глаза Анки вспыхнули, расширяясь, и медленно перед ней мрамерела хрусталинка снега в белое стройное пятиконечное здание. Оно выросло ослепительное и ясное и медленно исчезло, покрываемое снегопадом.

Она, высоко закинув руки, обхватила плечи отца, прижалась к нему, потом отстранилась, и охваченная волнением, восторгом, нарастающим в ней порывом, начала ходить от окна к кровати, от кровати к окну...

Шаги ее все ускорялись, ускорялись и почти бегом она бросилась к проектному столику, с шумом выдвинула его на середину и замерла над листами...

Детский дворец! Мраморный, он красивыми изгибами геометрических линий разбежится в пяти концах от главного фасада. Небрежно брошенным узорчатым кружевом фарфора ляжет, повиснув по бокам, крыша. Изумрудом заблестят папортниковые листы, как морозные украшения стекла, между огромными во весь этаж окнами. И если позади, с северной стороны, поставить высокую коричневого мрамора группу — отряд кандальников радостно протягивает вперед сильные руки, и разрываются ржавые цепи, звеньями падая к их ногам, — снежинкой замскрится точеная гравировка стен, задышет юностью большая светлая, переливающаяся лучами солнца, хрусталинка снега.

Анка выпрямилась. Перед ней перечерченный лежал набросок ее проекта.

Последние лучи электрического света еще слабо боролись с наступающим утром. У окна, глубоко уйдя в кресло, спал стец.

Она легкая, себя нечувствующая, подошла к нему, встала на колени у кресла и спрятала лицо на его плече.

Рассвет золотил его седую и ее кудрявую голову.

г. Томск, 37-38г. апрель.

Е Р З А К О В Ал.,
студент I курса литфака.

Непосланное послание

Сколько их, непосланных посланий!...
Но еще... еще хотя б одно.
Я люблю своего сердца пламень,
Когда образ твой творит оно.
Пред глазами дышащую жарко
Я люблю срисовывать тебя
И мечты переплавлять в подарки,
Что ты принесешь с собой, любя.
Но послать, любви моей, царица,
Страшно их, давно твоих рабов,
Могут ведь для них и не открыться
Твое сердце и твоя любовь.
Нет, тогда уж безызвестной далью
Лучше бредить в стиховых огнях.
Всех поэтов вам стихи, Натальи,
Всех поэтов вам любовь, Натальи!
Всех - от Пушкина и до меня.

КОДУХОВ Виталий,
студент 1 курса Литфака.

Поля

Участник конкурса

Одинокий, мелодичный и пронзительный, звук горна - через пятнадцать минут купаться.

Под кудрями березы, весь в белом, испещренном тенями листьями, стоит вожатый Валя, прислонясь к безлиственному стволу. Подбежала Поля. На ней простенькое ситцевое платье, малиновое с белыми крапинками; галстук - кумачевый. Ее темно-серые глаза беспокойно бегают. Она выпалила скороговоркой:

- Валя! сбегаю... за газетой?

- За газетой? - Валя наклонил голову, покрытую короткими и жесткими волосами; нижняя губа прикрылась верхней: - Зачем? Поля, подпрыгнув, схватила ветку. Ветка наклонилась, - тени пробежали по Вале, остановясь, дрожа.

- Мы положим на нее белье.

Валя выпрямился:

- А шапчик?! Не исправлен что-ли?

Опустив глаза, Поля краснеет. Ветка упруго распрямилась, тени задрожали. С ветки что-то упало.

- Валя! Смотри. Что такое?

Валя, блеснув глазами, прищурился.

- Личинка жука.

Поля продолжала смотреть на личинку, теребя галстук.

- Но... как она на березе...

- Это - листоверты, или трубноверты. Называются так потому, что самка-вертолист скручивает один или несколько листьев или берез, или тополей, а также - груш. Вроде дома, в который кладут яички. Личинки питаются тканями подсыхающих домиков, т.е. листьев, разрушая их. А потом выпадают из трубок и окукливаются в земле...

- Газеты мы будем читать.

- Читать?! - Валя улыбнулся. - На купанье?!

- Да нет же! - Поля дернула галстук: - Мы поспорили.

- Ну, иди, коли тебе... нужно... газета... зачем-то...

Поля откинула волосы, брови у нее широкие и вздрагивающие. Оба смеются.

Поля повернулась - и бежать.

- Не опоздай!.. - крикнул Валя ей вслед и подумал: "Интересно."

Поля мчится к Шуру: у него ключ.

Ребята молча сидят на террасе. Иные играют в настольные игры, иные читают. Около террасы играют в крокет. Шура, облокотившись на перила, смотрит за Яшей, болагуром и баловнем. Яша бьет изо всех сил по шарам, крича: "Эй, ухнем!"

Вбежав на террасу, Поля схватила Шуру за плечи. Потом:

- Ключ...

Он, вздрогнув, повернулся.

- Ты?

Она выдохнула:

- Ключ...

- Какой?

- Библиотеки...

У Шуры тонкий нос, совершенно спокойные темные брови.

- Зачем?

- Газету...

- Зачем? Какую?

- Мне нужна газета. Я говорила о Вале, разреши - сказала она, смотря за движением того шара, что катился от Яшиного удара

Он медленно достав из кармана ключ, отдал его. "Схватила и умчалась. Как синица".

Здание библиотеки - двухэтажное и белое. Поля там. Суетясь, она ищет газету, которая похуже. Движения резки и судорожны. Когда нашла - выбежала. Ключ не слышится: кое-как закрыла дверь.

Отряд ушел.

Учащенно дыша, Поля бежит. Белокурые волосы развеваются. Ее тонкие губы искривлены не столько от боли, сколько от того, что она опоздала. Отряд ушел.

Бежит. Наконец - река; купальня. Раздевается и изнеможенная падает на сыпучий, искрящийся и горячий песок. Рядом - Галя и Катя.

На небе - ни тучки. Солнце жжется, целуя тепло и больно. Лежат, загорая.

Свисток, все в воду. Брызги, смех, блеск коричневых тел.

Поля открывает дверку шкафчика, взяла латину голубую блузку. Дверь взвизгнула. Завернув блузку в газету /часть оставшейся газеты она потом унесла в библиотеку/, спрятала сверток под шкафчик. "Теперь поищет. Чудно!"

Она выпрямилась, вздохнула и разбежалась - ее эластично-тонкое тело, сделавшись на секунду коричневой лентой, булькнув, мягко вдавилось в воду. Круги разошлись.

- Валя! - Поля - хмурая, ее брови сбежались, опустившись на глаза, между ними - складчатые ямочки. - Валя. Ну, Валя. Побегит? А?

Они сидели в комнате вожатых. Было уютно и просто. Валя встал, прошелся, притворил дверь. Сел. Взял "Сказку о Рыбаке и рыбке", спросил:

- Нравится?

Поля мотнула головой. Стали смотреть цветные картинки: то клочочащее море, то безумная старуха, все просящая и просящая.

- Как тебе нельзя бежать. Она опоздала...

- Но виновата то ведь я - Поля положила на грудь руку.

- Ей нужен мертвый час. Мы приехали отдыхать, не стоит нарушать режим.

- Ну, раз... Может можно?

- Нельзя, Поля.

Поля вышла, тихо, но плотно притворив дверь. Валя посмотрел на часы, оголив большую жилистую руку. "Полчаса. А может быть... Нельзя." Встал, посмотрел в замочную скважину. Поля шла медленно.

Она уже в палате.

- Что? Разрешил? - Катя соскочила с кровати. Поля нерешительно стоит, Она говорит:

- да?

Молчат.

Катя смотрит в окно, утопив лицо в подушку. Повернулась на спину, села, смотрит на Полю, моргая.

- Давай без разрешения. А?

- Ты что?!.. Нельзя. Во-первых, Валя не разрешил, во-вторых, пионерская дисциплина, сознательная. Да потом, - Поля рассмеялась, - и Нина Николаевна там. Снимут со старта, а это - еще хуже.

- Кто бежит?

- Галя.

- Может добежит. В эстафете первый - очень многое, главное. Нужно всех обогнать, и там - ух... Помнишь, как в школе бежали... Победа должна быть нашей.

- Конечно. Как не наша?! Все - наше, все.

Они засмеялись дуэтом - высоко и низко.

Помолчали.

Поля села на кровать к Кате. Бросила, рассыпав, волосы на Катину грудь; и дышала не воздухом - паром. Голос тих и надломлен.

- Натворила.

Поля откинулась. Смотрят друг другу в глаза. У Поли в глазах - искорки.

- А все же смех! Как ты искала... Говорила, что украли. А Валя сразу: "Нужно найти вора". Блузка нашлась, а вор - нет. Сам себя нашел. Интересно. Это хорошо, что ты сама нашла. Очень хорошо. А все же - смех.

Поля встала, потянулась, бросилась на свою кровать. Она говорит:

- Дуже всего - ждать, ничего не делаю.

Зной. В комнате солнце, но прохладно. Тишина.

Поля взглянула в окно: аллея, плетеная беседка, цветы в клумбах - все в солнце. Смотрит на георгины, багровый и бархатный. Ресницы у Поли льняные, порхающие, глаза - огоньки, горящие упрямым. Невольно вспомнила.

"Рыбки" - и дальше встала и приятное, и конфузнее.

Река. Солнце яркое - яркое: больно смотреть. Берег - обрывист, а рядом - купальня. Ветерок.

Удиди целым звеном. Упругие и загорелые, тела поблескивают. Сидим в причудливых позах. Иногда - смех. Яша замочил пиджак. Чудак! Солнце, а он в пиджаке. Сушит.

Поем тихо и задорно.

Эх, хо-ро-шо и на лу-ну сле-тать...

А река, плескаясь, серебрится волнами.

Неожиданно говорит Валя: "Маршируем дамой, скоро семь. Постройся." Заплакала. Не поймала ни одной рыбки... Рыбки... Буду есть... рыбу... не поймала... "Рыбки!"

Поля краснеет, вокакивает.

- Смотри, бегут. Радостные. Ура! - кричит она и гонит воспоминания поразительно низким грудным голосом, охрипшим: - Лежи, лежи.

Дверь распахнулась. Вбежали ребята. Галя дышет учащенно. Мясистые губы приоткрыты. Рыжие волосы растрепаны.

Бросилась обрубком к Кате.

- Первое место... Запыхалась, уф!..

Яша картавит:

- А Калька столово бешала. Я ны и то остал.

Ребята смеются.

Катя обняла Галя и рассмеялась:

- Ну и Галя! Пухлая! Первое место - мы. Замечательно. Ай да Галинька. А ведь, право, ты - толстененькая. Толстая, а бежишь - не догонишь. Не догонят.

- Да что это. Я вот похудею и еще шибче забегая.

Пионеры хохочут.

Катя заглушает хохот.

- Худеть не надо, а бегать нужно всех быстрее.

Лучи солнца веселятся в палате. То - на графине, то - на гребенке. Они, то падают на паркет, взлетают на стены и останавливаются на портрете двух сидящих на скамье; они, то играют, любясь, пионерскими зажимами.

1938 г.

Томск.

Март-Апрель.

О Т Ц Е Л К Р И Т И К И

Е Р ЗАКОВ Ал.,
студент 1 курса Литфака.

О СТИХАХ МОРЯКОВА

Прочитав три стихотворения Морякова, помещенных в предыдущем номере, можно заключить, предварительно сопоставив качества этих произведений, что это отдельные удачи различных периодов его творческого пути.

По ним можно легко определить, насколько прерывист и непостоянен был этот его творческий путь, если его только вообще можно назвать путем, а не наспех набросанными камнями для перехода какой-нибудь мелководной речушки, т.к., зачастую, качества, достигнутые в стихотворениях более раннего периода, утрачиваются в стихотворениях поздних периодов.

Раньше других, вероятно, было написано стихотворение "Не качай кудрями", не потому, конечно, что у него такое слишком лирическое название, которое, если его представить в образе, не может не вызвать улыбки /мне, например, эти кудри напоминают высокую, маленько еще незрелую, с завитками вместо колосьев розу, и уж, конечно, делу обходится не только тем, что сердце обращается "в зарево огня", а и морозец по коже пробегает/.

Это лирическое стихотворение страдает ветхостью и хиловатостью своего организма.

Вначале дается образ девушки, пожелавшей при встрече со своим любимым поиздеваться над его питаемыми к ней высокими чувствами, у которого было, впрочем, и без того уже не сердце, а зарево огня.

Еще старая пословица говорит, что с огнем плохие шутки.

А автор, вероятно, забыв про эту мудрую пословицу, доведя до такого исключительного напряжения сердечно-психического состояния своего героя, заставляет его очень рискованно для композиции стихотворения "философствовать" целых шесть строчек.

И вдруг он догадывается, что, пожалуй, действительно "дал маху", но это он понял только для себя, а для читателя... он еще попробует провести этого читателя. И тут же сразу всовывается междометие "Ах!.." И автор от художественного изображения переходит к простому сообщению о происшедшем, ссылаясь на то, что здесь произошло нечто совершенно неопишное /как же - "ты меня целуешь... Милая я рад"/. И чтобы совершенно заглазить свои грехи перед читателем за подробностями о сем посылает его не дальше не ближе, а только к майской заре.

Хилой композицию в начале я, пожалуй, назвал не верно. Здесь автору удалось спасти ее, но от этого пострадало содержание стихотворения. Один факт: человеческие чувства вышли за пределы человеческого. Содержание было принесено в жертву форме. Хорошее в этом стихотворении то, что язык его ясен и прост. Но и здесь приходится сделать оговорку: понятие о простоте пожалуй слишком уж усугублено, т.к. не дано ни одного свежего образа, исключая разве "не сердце - зарево огня".

Позднее моряковым, видно, было написано стихотворение "Уплыл апрель," а видно это уж хотя бы потому, что здесь не чувствуется того перенапряжения и перегрева, которое было в предыдущем стихотворении.

С композицией здесь будто тоже все в порядке, если умолчать о том, что очень уж она элементарна.

Суть этой элементарности заключается в том, что, если можно так выразиться, стихотворение это исполнено в одной плоскости - приход весны показан только через одну природу.

Отсюда от него отдает какой-то, я бы сказал, абстрактной беспристрастностью. Май остается прекрасным сам по себе, а не преломляется через чувства автора, что допустимо иногда в прозе и не идет для лирики. Абстрактный образ любви /"...стойкой волнующей и нежной пройдет весенняя любовь"/, появляющийся на самом ответственном месте в стихотворении - в конце его, именно своей отвлеченностью только еще больше подчеркивает эту отчужденность от всего человеческого.

В этом стихотворении, в отличие от первого, мы встречаем уже хорошие образы: "уплыл апрель на льдинах белых", "заколышутся осины огнем зеленым на ветру"... и др.

"Путь открыт" относится к настоящему периоду творчества Морякова, продолжением которого служит стихотворение "Родной простор", прогремевшее по всем стенгазетам, начиная от общежитской и кончая общеполитической /жаль, что нет еще у нас частноквартирных стенгазет, а то бы и там может быть.../, появляющееся в этом номере нашего журнала и обещающее появиться в скором времени в "Красном Знамени" и т.д.

Тема стихотворения: в нашей стране безграничен выбор жизненных путей, каждый из которых героичен.

Первая часть этой темы выполнена довольно удачно, вторую часть ее автор дает, конкретно показывая путь актера, вероятно наиболее знакомый ему.

Подается это в огнедышащих образах: "...развернись в золотой костер", "звонкой музыкой пламенных слов ударь по открытым душам..." и т.д. - подними-ка попробуй здесь еще хоть на один градус выше, так пожалуй и актер расплавится.

Надо сказать, в заслугу автору, что образы эти увязаны между собой и представляется цельная фигура актера. Но, вглядываясь в нее пристальнее, смутно начинаешь чувствовать какую-то неудовлетворенность, кажется, что ты когда-

то это уже много раз видел и оно в свое время уже, как говорится намозолило тебе глаза, а на этот раз появилось, чтобы еще раз досадить.

Это, по-моему, получается потому, что в этом стихотворении не дано ни одного нового эпитета, метафоры, сравнения. Например: такие эпитеты, как б е с к р а й н и е /дали/, я р - к а я /юность/, г о р ь к а я /печаль/; сравнения - "...расцветал бы чудесней цветок" /зритель/, "...юность яркая, птицей лети" и т.д. - все это в поэтическом хозяйстве уже давно слишком истрепано, и костюм из этого барахла на каждом новом поэтическом образе будет выглядеть не лучше нищенской сермяги с разноцветными заплатами.

Хорошее в этом стихотворении. Петя Моряков расстается, начиная с этого стихотворения, со старой сугубо индивидуалистической лирикой, общественно обезвреженной проповедниками "чистого искусства" - буржуазными поэтами, а у нас, "пописывающих" встречающийся как признак рабско-формалистического подражания. Следовательно, начиная с этого стихотворения, Моряков выходит из полосы этого рабского подражания, и начинает изображать переживаемое им таким, каким сам его представляет.

" С В А Д Ъ Б А "

произв. Иванова .

"Точность и краткость - вот первые достоинства прозы, она требует мыслей и мыслей - без них блестящие выражения ни к чему не служат - стихи дело другое /впрочем и в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо по- значительнее, чем у них обычно водится. С вос- поминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не продвинется/". А.Пушкин.

"Свадьба" Иванова - наиболее достойная и благодатная почва для критики из всех слушанных и печатанных литкружком творений наших студентов.

Во-первых, сама по себе она искреннее, интереснее других. Во-вторых, она, как наиболее удачное произведение, лишена таких свойств, как: выкрутас фраз и словечек, полнейшего "заума", как с моей точки выглядят стихи О.Сухова; винегрета из трех различных и даже противоположных струй, закрывающих здравый смысл, ясность и логичность, как в сказке "Боль- шие сердца" морочных; развития и отражения в слащавой форме своих не совсем современных, приближающихся к Баль- монтовским, переживаний и мыслей, как в стихотворениях Морякова; механического соединения случаев, коих десят- ки в брошюрах Заковского, Уранова и др., с природой плюс растянутасть и плюс немного переживаний, как у Дыбавского в его "Случае" и т.д.

Спросят - А разве в "Свадьбе" нет гораздо более за- метных недостатков? - Есть, но они более или менее уравно- вешиваются с "достатками", чего нельзя сказать о других.

В самом начале рассказа автор его очень хорошо де- лает, что вводит нас в самую суть, не боится раскрыть карты. Но очень нехорошо делает, когда показывает кулака Семена Заливаева похваливающим Ефимку, довольным Ефимкой. Получается, что Ефимку-батрака не угнетают и даже похва- ливают. А это уже облагораживание Семена Заливаева.

Далее. Не мог Ефимка - батрак быть хозяином ули- цы в дореволюционной деревне, т.к. все равно, какой-бы храбрый драчун он ни был, его заставили бы присмиреть.

Выражение "кумир девчат" для дореволюционной деревни слишком высокопарно и пахнет литературничанием. Подобным же образом не характерен вопрос-обращение "споем, ребята?" Такие обращения в деревне - редкость.

Затянули ребята песню "Ухарь-купец". И вот как автор передает всю эту музыку:

"Все увереннее и громче звучали голоса. Их спевшиеся голоса /здесь стилистически грубая ошибка. П:И./ то плавно катились по земле, то, как бы ударились, круто взмывали вверх, стре- мясь достигнуть звезд и сразу, словно разочаро- вавшись в полете, внезапно опускались на землю".

Это при такой "ухарской" песне?!.. Невозможно.

Хороша сцена с гармошкой. В ней искренняя задушевность и за символическими образами проглядывает настоящая неизбежность, жалаба, беда.

Но вслед за этим автор обнаруживает свою полную беспомощность. Хотя и приближаются с песнями девчата, автор, однако, не дал сцены, где бы они встретились с ребятами. Как прекрасно можно было бы показать нравы, характеры, быт деревни в этой сцене!

Слова Пушкина о краткости и точности автор не понял, если судить по его рассказу. Он изредка отпускает малыми порциями пейзаж, действуя по принципу: "хорошего по немножку". Ключки пейзажа? Нет, это не краткость.

Язык ночного веселья не пахнет деревней. Драка, случившаяся на нем случайна, искусственна и главное характеризует Ефимку с очень неприятной стороны, кто бы он не был и какие бы цели не ставил автор, учиняя эту драку.

Дальнейшие сцены хороши, но они уже где то встречались. Даже кульминационный пункт рассказа, побег Анфисы, этим страдает. Но этот пункт все же хорош, волнующ. Написал его автор, мне кажется, одним духом, без большого раздумья.

И вот наступила внезапная и нелепая "развязка". Из больших волнений, взволнованного океана страстей автор выбрасывает читателя на тихий остров. Но взгляните - он пуст! На нем ничего не растет, ничего не живет. Жизнь не коснулась его.

Героиня попадает под поезд, у нее отрезало ноги и ее уносят. Кровь льется "спокойными струйками". Всякие следы трагедии исчезают, вернее, автор замечает их - проводник поднял отрезанные ноги, завернул их в продаваемое платье и положил на носилки. Кровь завтра будет занесена песком, пылью, отбросами.

Но что же дальше? Ведь оба героя все же остались живы!.. Автор молчит, но благоразумно-ли?.. Он удовлетворен показом трагедии девушки в дореволюционной деревне, но мы удовлетворены-ли?.. О, нет, нас это далеко не удовлетворяет. Не за чем было вовсе запутывать узел, если конечная цель - так его и оставить.

Такая сильная девушка так нелепо погибнуть не может. С другой стороны, роль отведенная Ефимке в рассказе при такой концовке себя не оправдывает. Необходимость в продолжении рассказа очень большая. Без этого рассказ оставляет читателя в таком убеждении:

1. Общий тон рассказа чрезвычайно минорный и звучит не по современному. В нем не чувствуется светлой, солнечной радости нашей советской литературы. В значительной мере этим рассказ обязан своей концовке.

2. "Наша молодая литература призвана историей добить и похоронить все, враждебное людям, враждебное даже тогда, когда они его любят" /Горький "О литературе" 1933 г. стр.293/. Иванов своим рассказом, с одной стороны, подает руку Никитину, вселяя в читателя какую-то тоску, надрыв. Правда, автор описывает дореволюционную деревню. Но все же его произведения должны перекликаться с современностью. Этого в "Свадьбе" нет. Будущее ни одним словом не упомянуто.

3. Несмотря на этот крупный недостаток, умолчать одаренность Иванова нельзя. Отмеченные здесь хорошие места, широта охвата, напористость, богатая эрудиция и другое характерное в авторе убеждают нас в этом. Жаль, что автор стремится свои мимолетные переживания отразить на своих произведениях.

Мне кажется, что, приняв указанные ошибки и промахи, преодолев в себе то стремление, может быть даже и бессознательное, которое подчеркнуто в третьем пункте, Иванов будет иметь большой успех.

Товарищи читатели!

Для журнала интересно и полезно знать мнение о помещаемых в журнале рассказах, стихах, статьях. Нам ценна ваша критика, критика читателя, для которого мы пишем. Ваши отзывы, товарищ-читатель, помогут нам улучшить свою работу, поднять ее на более высокий политический и культурный уровень. Следующие номера "МОЛОДОСТИ" упорно ждут вашей критики, правдивой и оздоравливающей.

Материалы можно подавать Редаклегии и Кругу.

Казусы

В библиотеке

В. ДУШЕНКО,
студент I кур. литфака

БИБЛИОТЕКАРША /студенту/: "Как не хорошо, тов. студент, держали книгу два месяца и при этом так испачкали листы".
СТУДЕНТ: "Честное слово, я ее даже не открывал".

— Врем дело? —

Лежит на койке студент, возле него на стуле сидит другой.
ЛЕЖАЩИЙ: "Почему хочется безумно спать? А ведь сплю день и ночь".
СИДЯЩИЙ: "А это ты ощущаешь беспокойство от приближения экзаменов".

«Фуршман Директор» В КАНЦЕЛЯРИИ.

Марк ПЕРЕЛЬ,
студент I кур. литфака.

СЕКРЕТАРЬ: "Вы слышали, что у нас новый директор? И какой пассаж! Потребовал к себе сразу бухгалтера с отчетом."
БУХГАЛТЕР: "Не может быть! Ведь я теперь пропал! А скажите, мне сейчас итти, или после".
СЕКРЕТАРЬ: "Да вы прежде подготовьтесь".
БУХГАЛТЕР: "Я собственно готов. Скажите кстати, какие папирсы он любит?"

В АУДИТОРИИ

1 - студент: "Слышал, новый директор приехал".

2 - студент: "Вот хорошо, а то ведь у меня от старого шесть предупреждений за прогулы и обещен выговор! Теперь все это кануло в вечность, одним словом можно опять до шести догнать".

В ПРОФЕССОРСКОЙ

Модест Аполинарьевич: "Слышали, коллега, новый директор приехал".

КОЛЛЕГА: "Какой пассаж! Вы знаете он еще вздумает на лекцию прийти. Дай скажет узнаю, как у него на идеологическом фронте? У меня сегодня на лекции как раз сложная проблема, а подготовиться не успел - в двух Институтах по шесть часов читал. Что же делать с проблемой-то?"

Модест Аполинарьевич: "А вы скажите, что она не разрешена еще."

У СТОЛКА ШВЕЙЦАРА

ШВЕЙЦАР: "Ох, и работы у меня! С утра до вечера лежит на тебе ответственность! Вот опять новый директор, опять таки и новые приказы вешать..."

Скучная лекция

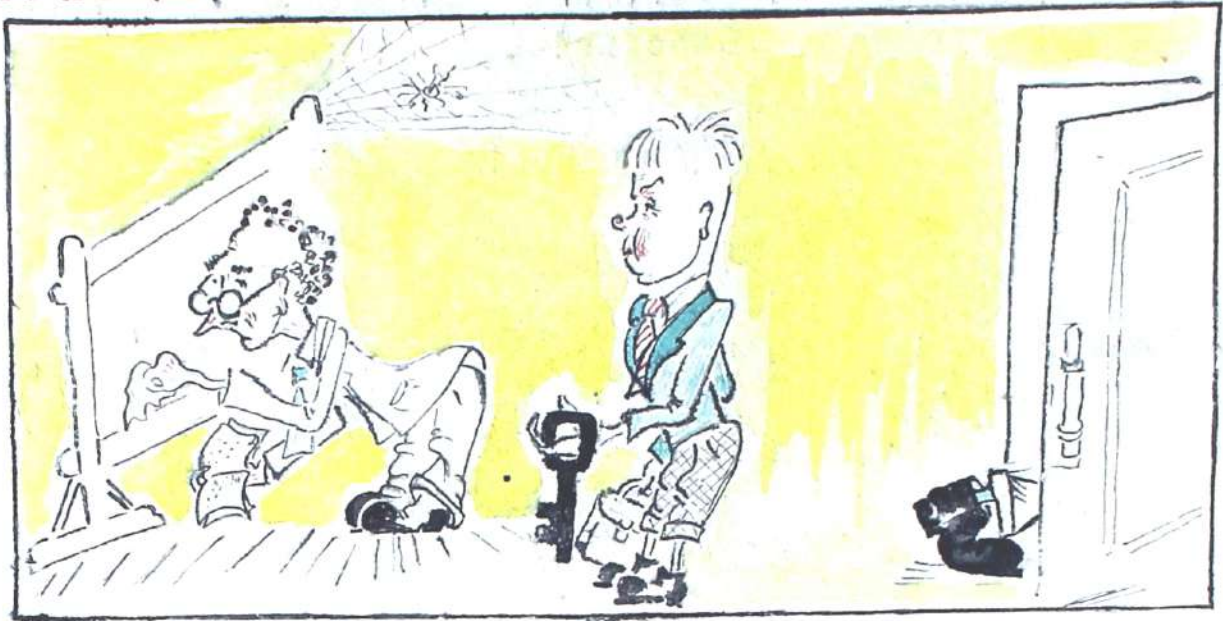
/идет лекция/

ДЕЖУРНЫЙ СТУДЕНТ: "Ох и скучно же! Вот еще ключ от кабинета всунули мне, запри, мол, когда кончится: и не увидишь, сиди вот, слушай. Ва! Попрошу-ка соседа закрыть кабинет" /отдает ключ соседу и, договорившись с ним, незаметно уходит из аудитории. Прошло пять минут./

СОСЕД: "Ну, кажутся, скоро засну от скуки. Лучше войти, а ключ соседу". /Отдает ключ, получает разрешение войти, исчезает/. Так поступает вся аудитория, кроме одного студента, которому передали ключ.

ОСТАВШИЙСЯ СТУДЕНТ: "Ну, вот все ушли, а я мучаюсь сиди. Надо и мне стираться ненадолго!" /К лектору /
"Товарищ преподаватель, разрешите выйти. А когда кон-

чите лекцию, вот ключ, пожалуйста закройте аудиторию..."

Е Р ЗА К О В,
студент I курса литфака

ПЕСНЯ О ТВОРЦЕ И СОЗДАТЕЛЕ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДЕЛА

I.

Марк Перель
Март Апрель
Жаждал:
Что-б свой смех,
Хоть на спех,
Каждый
Слил в стихи
Да не плохи
В прозу-ль
И поднес
Мне б под нос
- Грезы!

II.

А Апрель
Уж горел
Маем:
А отдел
Не толстел
- Маял!..
Только вдруг
Аж в испуг
Вдало.
Сколь мечталось
Матеркала
Стало!

Ш.
Очень ярок
Нынче Марк -
Счастье!..
/Материальчик-то
Сбирали
Сообща все!/

Э П И Т Р А М М А

НА И О Ж И Ц У

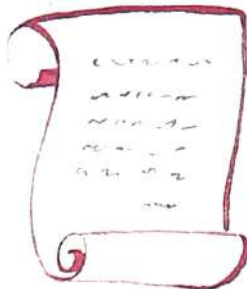
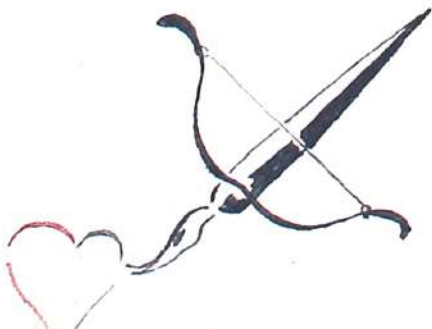
Иожца отправился в поход.
"... Глазница плят дряхлые старухи
Надернул кепку, майку и ботинки "с скороход"
И позабыл надернуть брюки.

НА М О Р Я К О В А

Как член литературного кружка,
Он фикция
Но Петю ценим мы и бережем
И он к нам забежал, прочел нам с дикцией
"Простор" свой, дал в журнал, и - хорошо!

НА Б Е Л К И Н А

Воинствующий Белкин Сади
К другим куда как беспощаден.
Он знает: стернит без расплаты
Его творенья "Литератор".

Э-Р-И-Ф-А-М-М-М

С. БЕЛКИН,
студент 2 курса литфака

Ходили поэты
По Феба долинам
И пышных букетов
Нарвади корзины...
Я же за ними ходил по пятам,
Но вырвал лишь жесткий пучек эниграмм.

НА ЕРЗАКОВА

Поэт сей устами не знает,
Слагая спотыкливый стих:
Не столько рифмы сочиняет,
Сколько борется за них.

И О Ж И Ц Е

Твой стих прорвет...
Но не громаду лет
/Как некогда писал поэт/
Прорвет он долгое терпенье -
И кодь в ближайшее воскресенье
Не бросишь ты писать стихи,
Смотри - дела твои плохи!

М А Н У С О В И Ч

Ты одержима обилием слов,
Образов, красок, и чувств, и цветов,
Но ходишь не в мире живой красоты
- На тоненьких ножках не здешней мечты.

М О Р О Ч Н И Х

Хоть этого не хочешь ты:
Где строчки
Солнцем залитые
И звездные с луною ночи -
Видать "тоскою повитые"
Твои мечты
Пустые очи.

КОДУХОВУ, как председателю Литкружка

Такой же ты администратор,
Как я певец и декламатор,
Дифа - штатгист и авиатор
И как Иожца - оратор.

ДРЕМОВУ

В твоих рассказах есть и небо
И любовь, и булки хлеба
И даже есть живые лица,
Но все лишь для передовицы!

МОРЯКОВУ

Мне нравится простор голубокий,
Но если лишь о нем ты будешь петь
года,
Мне надоест сей образ одинокий
Я разлюблю тебя "глубоко навсегда."

ГОРДЯЧКЕ

Не рядитесь вы в римскую тогу,
Не ту вы избрали дорогу,
Вас не пустит никто до порогу
И никто не придет на подмогу
- Не рядитесь, о, в римскую тогу.

НА ДОСЕКИНА

При виде твоих строк не скорчишь кислой рожи,
Суров и точен стих - слов нет!
Хорош!
Как может быть хорошим
Перелицованный сюжет.

Жестокий Декламация

То, что будет здесь рассказано, имеет целью предупредить читателя, предупредить то несчастье, которое может произойти и с ним.

Автор проникнут самыми благородными чувствами. Он страшно озабочен тем, что читатель, прочтя до конца сей рассказ, найдет оскорбительным его выступление.

И так, ужасное свершилось на глазах автора, на сцене зрительного зала высшего учебного заведения. Герой - молодой человек, как говорят, подавший надежды, но, впрочем, в неизвестном направлении. Он же студент литературного факультета высшего учебного заведения. И если бы вы его встретили, то лицезрели бы живописную внешность, в которой прежде всего **ВАМ** бросится в глаза **РОТ!**

Тут уже, вполне возможно, вы от него броситесь, ибо это чрезвычайно увеличенная деталь его внешности грозит поглотить вас и ваше внимание, которое потребуется для изучения личности героя.

О внешности мы больше ничего не скажем, в ней все остальное лишь фон для того же, мягко выражаясь, рта. И какое странное стечение и совпадение, фамилия героя - **ГОВОРОТОВ**. Я этого молодого человека видел только в состоянии движения, но странного: кажется, всегда бестолкового. А еще говорили, что Говоротов не передвигается, а циркулирует. А моральное или психическое его состояние всегда было необыкновенно выдающееся: он то пылал гневом; тогда рот его напоминал Везувий - оттуда летели брызги слюны и слов, то он был в состоянии восторга. Тогда он беспрерывно улыбался, всему был рад, и каждый мог неожиданно почувствовать в его объятиях. Вообще же он напоминал переховой погреб: достаточно было "бросить искру" - пачаать с ним разговор, как вы уже теряли надежду, что он когда-либо кончится и с тоской смотрели, когда же закроется этот рот. Итак, герой переживал только сильные и бурные страсти. А я раз слышал, как престарелая хранительница гардероба высшего учебного заведения вполне резонно заметила: "заподозренный какой-то он".

Таланты героя были необыкновенны и разнообразны: если нужно было составить программу художественных выступлений очередного студенческого вечера, то первой фамилией ставили заранее Говоротов, а он уж никогда не отказывался; если нужно было организовать банкет или юбилей и чествовать кого-

никогда, то вспоминали Говоротова: "ему поручим закатить речу

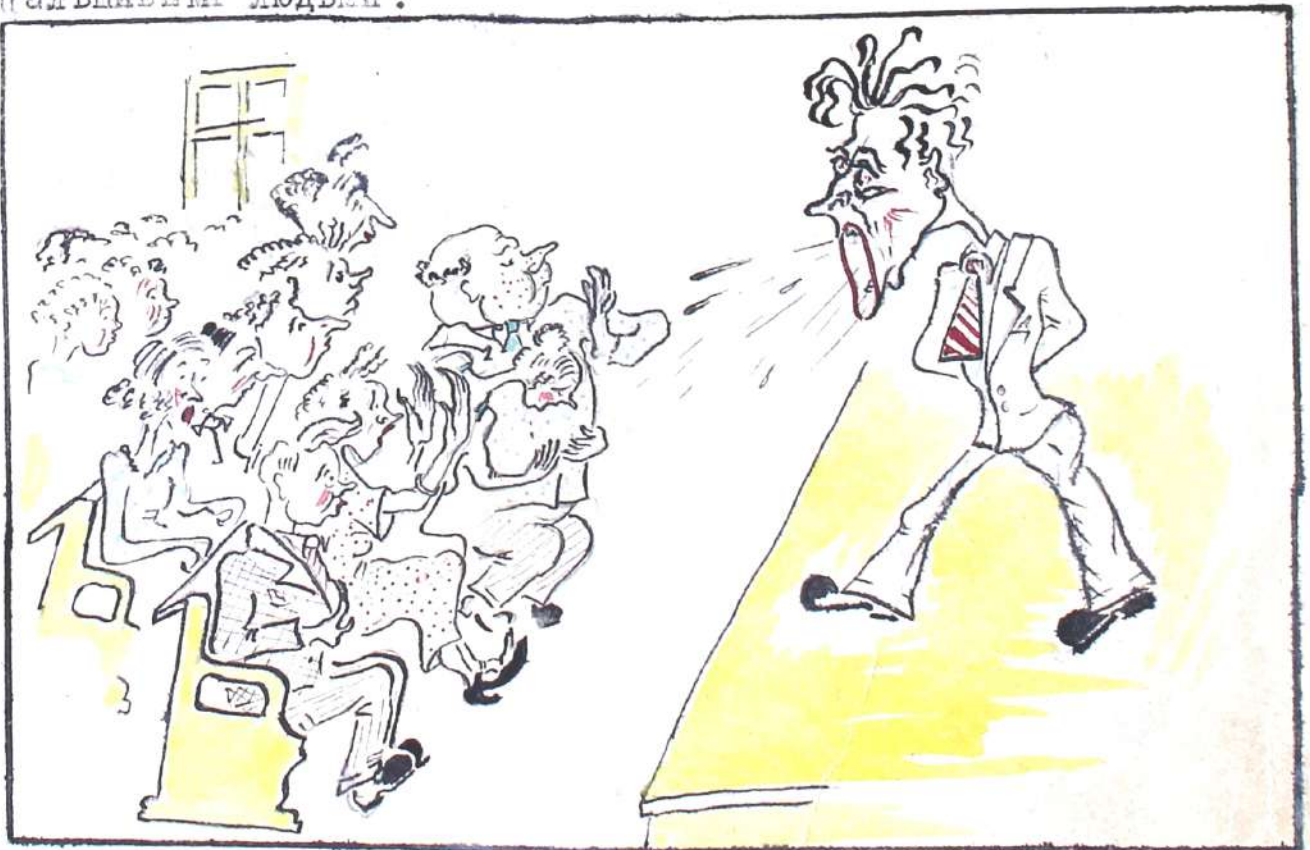
И он закатывал такую речу, что у бедного юбиляра закатывались глаза и он тихо падал в обморок, ошарашенный и оглушенный нашим милым героем. Наконец, прежде чем перейти к описанию самого несчастья, я не могу не упомянуть таланта чтеца-декламатора, который таил в себе наш герой. "Стены дрожали, когда он декламировал" - это слишком бледное выражение, к тому же оно уже приелось. Но вот говорят, что раз, после номера, исполненного Говоротовым, из зрительного зала скромно были вынесены три тела в обморочном состоянии. Воистину - "вот так номер, чуть не помер" /взято из отзывов зрителя/.

Публика делилась в оценке декламатора на две группы: одни мрачно молчали, "ошеломянные и потрясенные", и лишь кое-кто из них замечал, а ведь он /декламатор/, наконец, припадочный. Другие же восхищенно рукоплескали и взвонно-ванно говорили: "Вот это страсть, это тебе, батя, не какой-нибудь нормальный выступает, это-талант!" Надо заметить, что при этом у зрителей было выражение лица, подобное тому, какое бывает у человека, получившего удар в ухо, но не совсем от него оправившегося. Итак, состоялся в высшем учебном заведении вечер отдыха. Публика, наполнившая зал, была крайне пестра. Студентов тут было меньше всего, но симпатизирующих студентам и студенткам данного высшего учебного заведения было не мало. Это в значительной мере объяснялось тем, что после художественной части были объявлены танцы и исполнялся "политехнизированный фокстрот" - "У комбайна я и моя Мама"...

Эта публика мало интересовалась робкими фигурами, появляющимися на сцене. Но вдруг в зале стало тихо. Конферансье громко объявил: "Во весь голос" стихи Маяковского в исполнении художника слова Говоротова. Музыкальное оформление артиста джаза Васи Шумового". Тотчас за этим на сцену ворвался наш герой. Он уже эмоционально подготовился к выступлению: дико блуждали его глаза, растрепанный волосатый покров и полураскрытый рот - первое впечатление было произведено. Он встал посреди сцены, широко расставив ноги и заложив за спину руки. Этим он стремился воскресить, если не идею автора, так его внешность. Но у меня почему-то по спине пробежала дрожь. Пока устанавливался декламатор, на сцену вкатился и был установлен шумовой агрегат Васи Шумового. Через минуту все было в порядке и раздался удар по барабану и т.с. по барабанным перепонкам зрителей. Это была экспозиция. В зале у всех вытянулись шеи и слегка открылись рты. А тут сам Говоротов издал громоподобные звуки "декламация началась". Все предметы, подвешенные в зале, начали совершать колебательные движения, но декламатор неистовствовал. Вместо лица к зрителям было обращено, мягко выражаясь, отверстие - все тот же поражающий нас рот. Он принимал поочередно форму круга, квадрата и, наконец, эллипсиса. О звуках и шумах нечего было говорить: произведение Маяковского "Во весь голос" исполнялось этим художником слова "Во всю глотку",

т.е.: куда там перунам старика Зевса, они просто бумажные хлопунки после тех "звуков", которые вырвались из нашего героя. Зрительный зал напоминал лечебницу для нервно больных; тут одни молча вращали зрачками, другие просто закрывали глаза и судорожно вздрагивали. И вдруг свершилось что-то ужасное. Наш герой замолк и после трех оглушительных ударов в барабан замолк и Вася Шумовой. На секунду стало тихо, как в астрономическом зале, мерно тикали часы-то часы. А на сцене стоял Говоротов, широко расставив ноги и раскрыв рот. И, о ужас, звуков не доносилось оттуда никаких. Все это было ужасно и тишина, неожиданно наступившая, увеличивала гнетущее впечатление. Раздались душераздирающие крики в разных концах зрительного зала. На сцену кинулось несколько человек, среди них и я. Мы начали исследовать пострадавшего художника слова. Присутствующий студент Медицинского Института торжественно заявил "Редкий случай в медицине: от чрезвычайного раствора рта у этого человека одна челюсть поместилась на другой". Короче говоря, рот нашего героя не закрывался, дальше, дорогой читатель, Говоротов был доставлен в хирургическую больницу. На пятый день его рот с шумом закрылся при помощи хирургии. На десятый день он заговорил, но что самое ужасное заговорил он шепотом и долго не хотел говорить полным голосом: боялся.

Найдутся ехидные читатели, которые найдут наш скромный рассказ символом. Ну, так мы конечно не согласны с героем: шепотом говорить всю жизнь - это даже некрасиво, но и крикунов мы не защищаем, их почему-то недолюбливают и считают дальшивыми людьми.

Илл. № 6712

Изд. Гос. изд-ва
ЛЕНИН

